

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 15)

**Краснодар
1999**

ББК 63.4 (2 РОС37)

Д–74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Красно – дарского государственного историко – археологического музея – заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

СОДЕРЖАНИЕ

Пьянков А.В. (г. Краснодар)	
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗРУШЕННОМ В 1988 Г. МОГИЛЬНИКЕ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ Х. ХАБЛЬ (ЗАПАДНОЕ ЗАКУБАНЬЕ)	3
Туаллагов А.А. (г. Владикавказ)	
СИРМАТЫ И СИРАКИ	11
Берлизов Н.Е. (г. Краснодар)	
"ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКАЯ" ГРУППА И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КУБАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ	16
Хачатурова Е.А. (г. Краснодар)	
К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СОСУДЕ I В. Н. Э. ИЗ СТ. СТАРОКОРСУНСКОЙ	29
Зеленский Ю.В. (г. Краснодар)	
ХРОНОЛОГИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ СТЕПНОГО ПРИКУБАНИЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНИЯ	38
Волков И.В. (г. Москва)	
ТАМАНСКИЕ ОСТРОВА В "КНИГЕ ПУТЕШЕСТВИЯ" ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ	40
Есипенко Л.М. (г. Краснодар)	
ЗА СТРОКОЙ АВТОГРАФА	61
Леусян О.А. (г. Краснодар)	
НАГРАДЫ КУБАНСКОГО КРАЯ	69

Пьянков А.В. (г. Краснодар)

**КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗРУШЕННОМ В 1988 Г.
МОГИЛЬНИКЕ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ Х. ХАБЛЬ
(ЗАПАДНОЕ ЗАКУБАНЬЕ)**

В 1988 г. в Абинском районе Краснодарского края во время строительства Закубанской оросительной системы был разрушен древний могильник*, находившийся на западной окраине х. Хабль. Местные жители, в том же году, сообщили об этом в Южно-Кубанскую археологическую экспедицию Краснодарского музея-заповедника. Сотрудники экспедиции осмотрели место, собрали подъемный материал на валах, насыпанных вокруг рисовых чеков, по периметру, и распросили механизаторов Абинского ПМК-16, производивших работы**. Полученная информация, позволила локализовать разрушенный могильник примерно в 50 м к северу от правого берега р. Хабль (на этом участке река течет с востока на запад) и в 150 м к западу от хутора (рис. 1, 1).

Подъемный материал состоял из следующих предметов:

1. Сосуд красноглиняный кружальный с уплощенным дном, реповидным туловом и коротким широким горлом (рис. 1, 2). Венчик отогнут наружу и закруглен. В месте соединения горла и тулова имеется ступенька на отдельных участках имеющая форму треугольного горизонтального валика. На поверхности тулова сохранились следы сплошного лощения. Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок и растительные добавки. Размеры: h - 10,8 см, d дна - 9 см, d тулова - 20,6 см, d горла по венчику - 12,3 см.

2. Кубок красноглиняный кружальный: сохранилась большая часть воронковидного тулова с прямым закругленным венчиком и фр-нт плоской боковой ручки (рис. 2, 5). Вторая ручка была отбита в древности, а ее корень тщательно зашлифован. На тулове сохранились следы вертикального линейного лощения. Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок. Размеры: сохранившаяся h - 7,4 см; d по венчику - 11,6 см.

3. Сосуд красноглиняный кружальный с плоским дном, округлым туловом, которое расширено в верхней части, и с зауженным коротким горлом, закругленный венчик утолщен и отогнут наружу горизонтально (рис. 4, 2). Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок. Размеры: h - 18,2 см, d дна - 10 см, d тулова - 19 см, d горла по венчику - 11,1 см.

4. Сосуд красноглиняный кружальный, от которого сохранилось узкое сужающееся кверху горло постепенно переходящее в покатые плечики (рис. 2, 1). Венчик прямой и закруглен. На горле горизонтально расположен узкий рельефный валик сегментовидного сечения. Вдоль всего валика, сверху и снизу, сохранились ряды коротких вертикальных врезных линий. Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок. Размеры: сохранившаяся h - 9 см, d горла - 5,6 см.

5. Сосудик красноглиняный кружальный с плоским дном, округлым туловом и узким высоким горлом (рис. 3, 4). Верхняя часть горла не сохранилась. На плечиках имеются 3 горизонтальных желобка. Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок. Размеры: сохранившаяся h - 8,5 см, d дна - 5 см, d тулова - 9,5 см, d сохранившейся части горла - 2,3 см.

6. Сосуд (кувшин?) сероглиняный кружальный, от которого сохранилась часть дна на ложнокольцевом поддоне и фр-нт придонной части тулова, расширяющееся

вверх (рис. 4, 1). Черепок на изломе однослойный. Отощитель - песок. Размеры: сохранившаяся h - 8,6 см, d дна - 13 см.

7. Скифос сероглиняный кружальный, имеющий кольцевой поддон, колоколо-видное тулово и три вертикальные желобчатые ручки (одна утрачена в древности и ее корни зашлифованы) (рис. 3, 5). Поверхность скифоса покрыта сплошным лощением. Размеры: h - 5,8 см, d по венчику - 7,7 см, d дна по поддону - 3,7 см.

8-10. Вазочки сероглиняные кружальные (3 экз.), имеющие верхние части в виде небольших чашечек с отогнутыми наружу венчиками (в одном случае венчик косо срезан наружу), высокие цилиндрические ножки (в одном случае ножка коническая) и конические полые поддоны (в одном случае поддон целиком изготовлен из глины и имеет плоское дно) (рис. 3, 1-3). Одна вазочка в месте соединения чашечки с ножкой имеет треугольный уступ. Черепки на изломе однослойные. Отощитель - песок. Размеры: 1) h - 9,4 см, d чаши - 7,8 см, d поддона - 6,4 см; 2) h - 7,9 см, d чаши - 10,5 см, d поддона - 6,8 см; 3) h - 6,9 см, d чаши - 10,7 см, d поддона - 4,2 см.

11. Сосуд красноглиняный кружальный с плоским дном и округлым туловом (рис. 4, 3). На тулове сохранился корень вертикальной ленточной ручки. Горло и часть плечиков не сохранились. Отощитель - дресва. Размеры: сохранившаяся h - 11 см, d дна - 9 см, d тулова - 13,3 см.

12. Бальзамарий темно-зеленого стекла с плоским дном, грушевидным туловом и с узким цилиндрическим вытянутым горлом, утолщенный венчик которого закруглен и горизонтально отогнут наружу (в отдельных местах слегка опущен вниз) (рис. 2, 2). Место соединения горла и тулова обозначено перехватом. Размеры: h - 12,7 см, d дна - 3,3 см, d тулова - 5,5 см, d горла - 2 см.

13. Наконечник железного копья, состоящий из фрагмента втулки круглого сечения и нижней части пера линзовидного сечения (рис. 2, 3). Размеры: 8,1 x 3,4 x 0,9 см, d втулки - 1,9 см.

14. Удила железные с ассиметричными грызлами круглого сечения, псалии крестовидные составляющие одно целое с удилами, сечение ветвей крестовины трапециевидное (рис. 2, 4). На одном псалии имеются остатки петли, приваренной к крестовине. Одна крестовина сохранилась в виде небольших фр-тов. Общие размеры: 15,5 x 5,3 x 1,1 см.

15. Псалий бронзовый литой в виде стержня с сильно расширенными концами, напоминающими удлинённые конусы и с двумя прямоугольными петлями (рис. 3, 6). Рядом с петлями сечение стержня подчетырехугольное. Сохранились остатки прикипевшей железной петли от грызла. Размеры: длина - 8,2 см, d стержня в средней части - 0,9 см, d стержня на концах - 1,75 см.

16,17. Оселки (2 шт.) каменные (песчаник), прямоугольной формы прямоугольного сечения (рис. 3, 8,9). Каждое имеет сквозное отверстие для подвешивания к поясу. Размеры: 1. 5,4 x 1,6 x 0,75 см; 2. 7,6 x 1,25 x 0,6 см.

18. Пряслице круглое, имеет форму колеса со сквозным отверстием посередине (рис. 3, 7). Изготовлено из стенки красноглиняного кружального сосуда. Размеры: d - 4,4 см, толщина - 0,7 см.

Других предметов обнаружено не было. Скорее всего, большая часть вещей из разрушенных погребений находится внутри валов, возведенных вокруг чеков при строительстве. Не исключено, что в материке уцелели более глубокие погребения.

Собранный материал относится к нескольким эпохам. Так, реповидный

красноглиняный кружальный сосуд находит аналогии в керамике майкопской культуры. Например, такие формы имеются в материалах Псекупского поселения N 1 (9, таб. III, 5, таб. IX, 6). Среди керамических типов Большедзигинского поселения*** наш сосуд не находит точных аналогий ни по форме, ни по тесту (6, с. 8-12). Однако, использование растительных добавок в тесто в качестве отощителя характерно для майкопских пифосов (6, с. 9).

Основная часть предметов принадлежат меотской культуре. Сероглиняные скифосы с тремя ручками, вазочки на ножках встречаются в погребениях III - начале I вв. до н.э. 2-го Усть-Лабинского могильника (4, с. 169-181, рис. 8, 10, рис. 11, 3-5), Ново-Вочепшийского могильника (10, рис. 2, 11), Псекупского могильника N 3 (8, таб. XX, 2, 11) и в некоторых других. Этим же временем датируются железные удила с крестовидными псалиями (14, с. 240). Полная аналогия нашим удилам происходит из г. Владикавказа (1, рис. 25, 11).

Вероятно, к этому же периоду относятся фрагмент нижней части сероглиняного сосуда на ложнокольцевом поддоне и фрагмент красноглиняного кубка.

По мнению Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной бальзамарии зеленого стекла (хабльский сосудик по классификации тех же авторов относится к I типу, группа 1, вариант А) поступали из Египта в Северное Причерноморье только в первом веке н.э. (7, с. 148, 154-157).

Концом I - началом III вв. н.э. датированы курганы «Золотого кладбища», погребальные комплексы которых содержали удила со стержневидными псалиями подобные хабльскому (5, с. 11, 37, кат. NN 136, 555). Заметим, что наша находка сделана из бронзы, в отличие от приведенных аналогий. Удила с таким же железным псалием найдены в могильнике I-II вв. н.э. у ст. Елизаветинской (2, таб. IX, 9).

Первыми веками н. э. может быть датирован и красноглиняный кружальный сосуд, имеющий плоское дно и горизонтально отогнутый венчик (N3). Во всяком случае, близкую форму имел небольшой красноглиняный пифос, происходящий со второго Тахтамукаевского городища (3, с. 14, таб. I, 1).

Оселки и пряслице, подобные публикуемым, характерны для многих периодов эпохи раннего железного века и средневековья.

Культурная принадлежность горловины красноглиняного сосуда (N 4) и небольшого узкогорлого красноглиняного сосудика (N 5) не ясна.

Красноглиняный сосуд N11, судя по форме и тесту относится к средневековой эпохе.

Присутствие в хабльской коллекции майкопского сосуда позволяет предположить, что на территории могильника находился курган, сооруженный в эпоху раннего бронзового века, а погребения раннего железного века были впущены в его насыпь. Впрочем, могильник мог продолжаться и за пределами курганной насыпи.

Памятники Абинского локального варианта меотской культуры еще только начинают изучаться (14, с. 224-226, 228-230, 233, 239, 243; 11, с. 13-23) и поэтому даже незначительная информация о них заслуживает публикации.

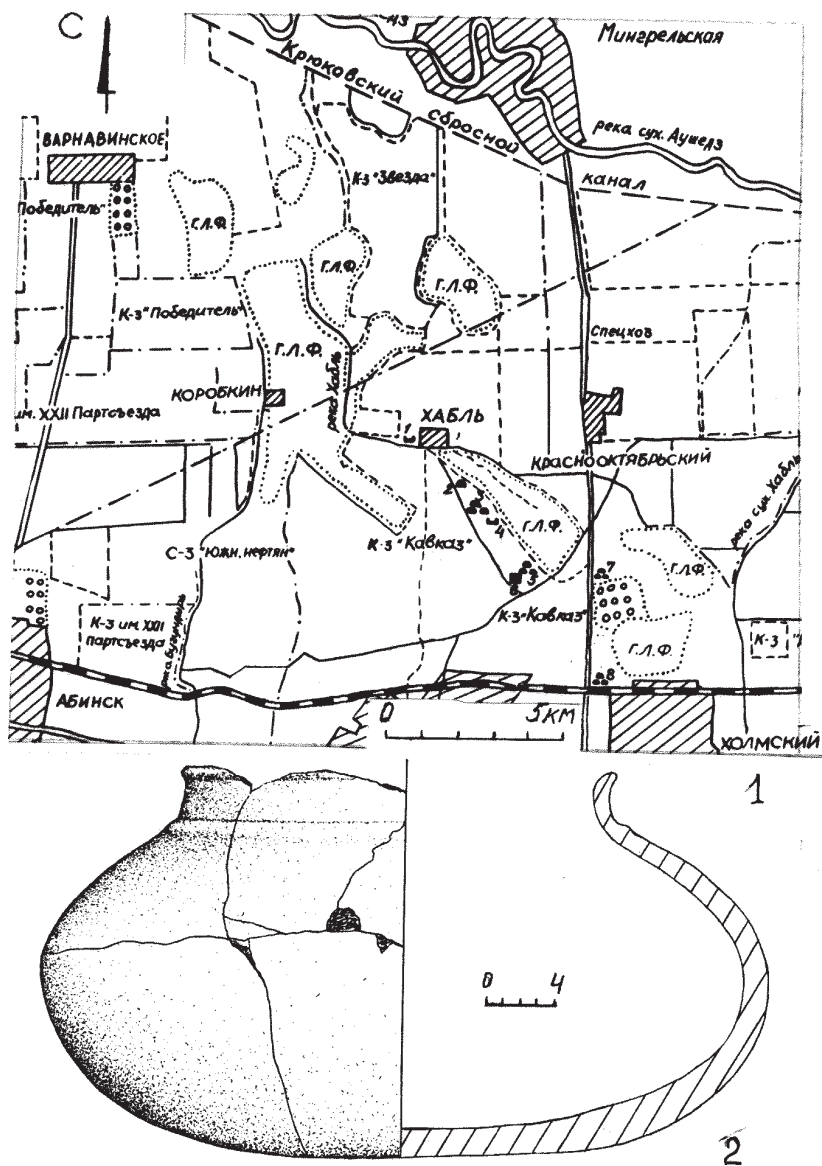

Рис. 1. Разрушенный могильник у х. Хабль.
1 - карта-схема местонахождения могильника; 2 - сосуд майкопской культуры.

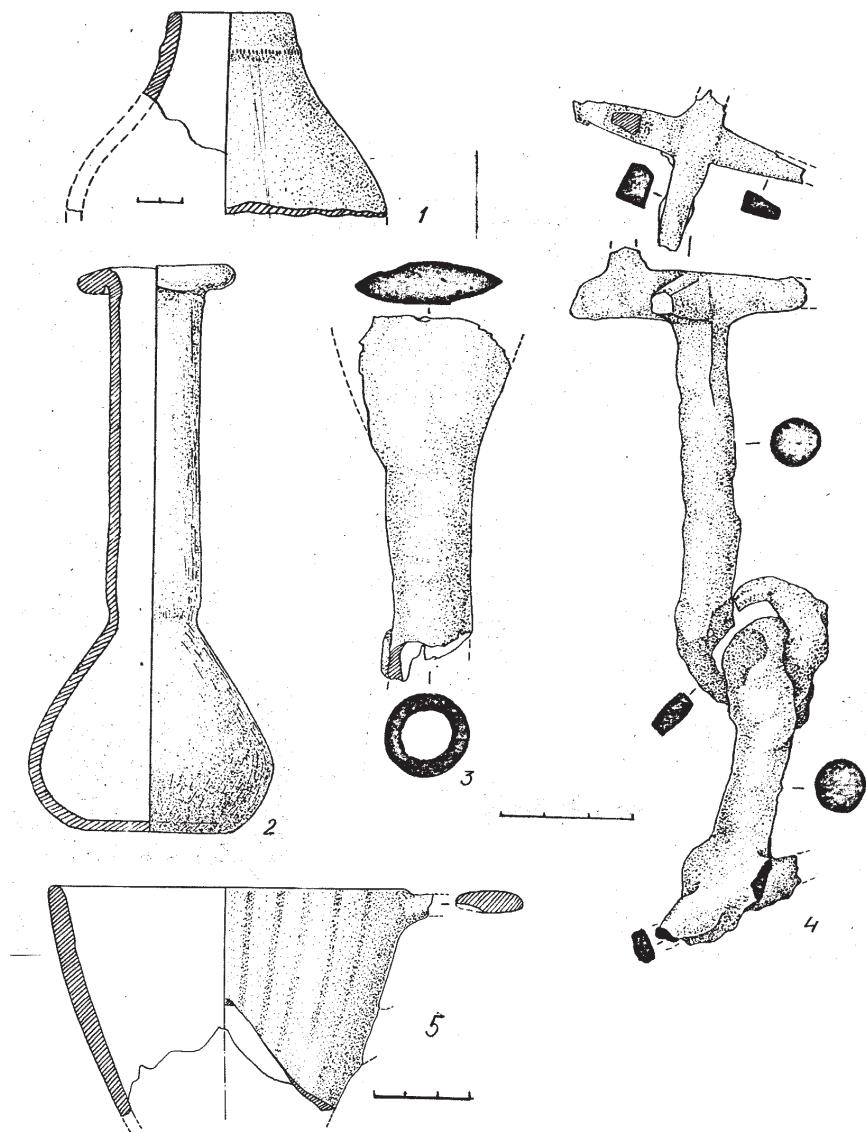

Рис. 2. Инвентарь из разрушенных погребений у х. Хабль.

1 - фр-нт верхней части красноглиняного сосуда; 2 - стеклянный бальзамарий; 3 - фр-нт железного наконечника копья; 4 - железные удила; 5 - фр-нт красноглиняного кубка.

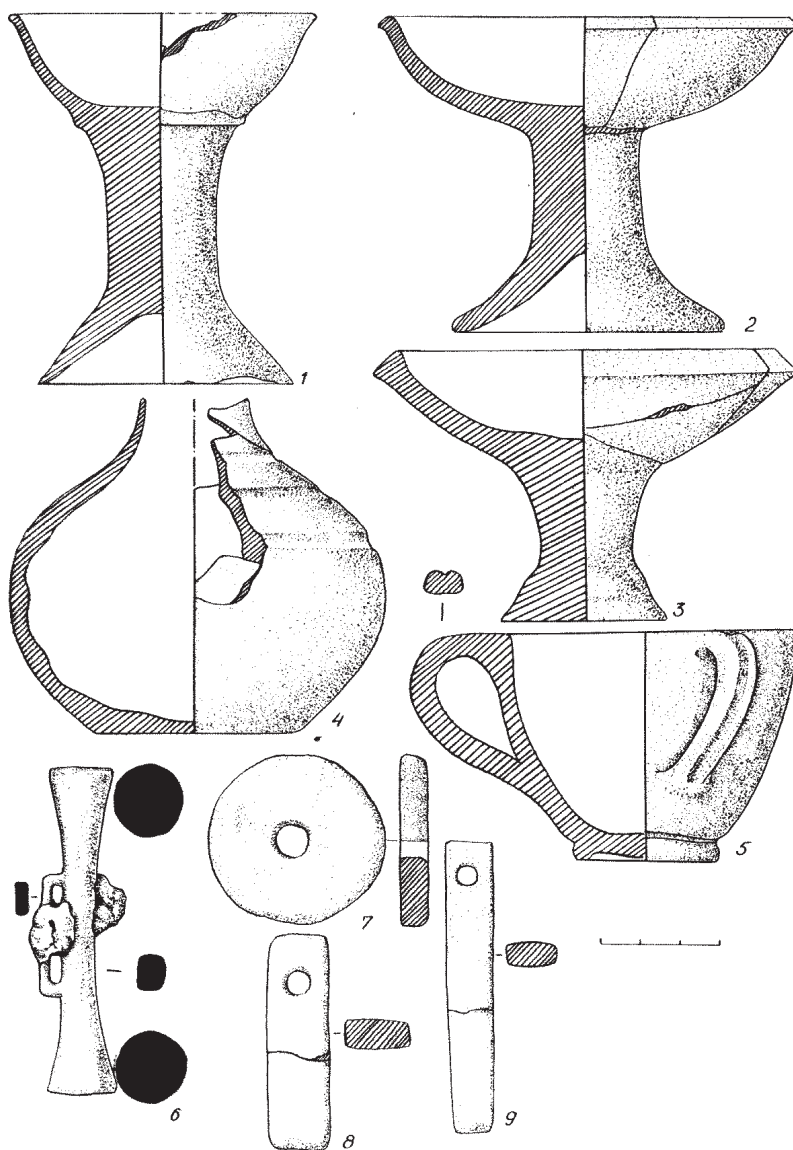

Рис. 3. Инвентарь из разрушенных погребений у х. Хабль.
1-3 - сероглиняные вазочки; 4 - красноглиняный сосуд; 5 - сероглиняный скифос;
6 - бронзовый псалий; 7 - красноглиняное пряслице; 8,9 - каменные оселки.

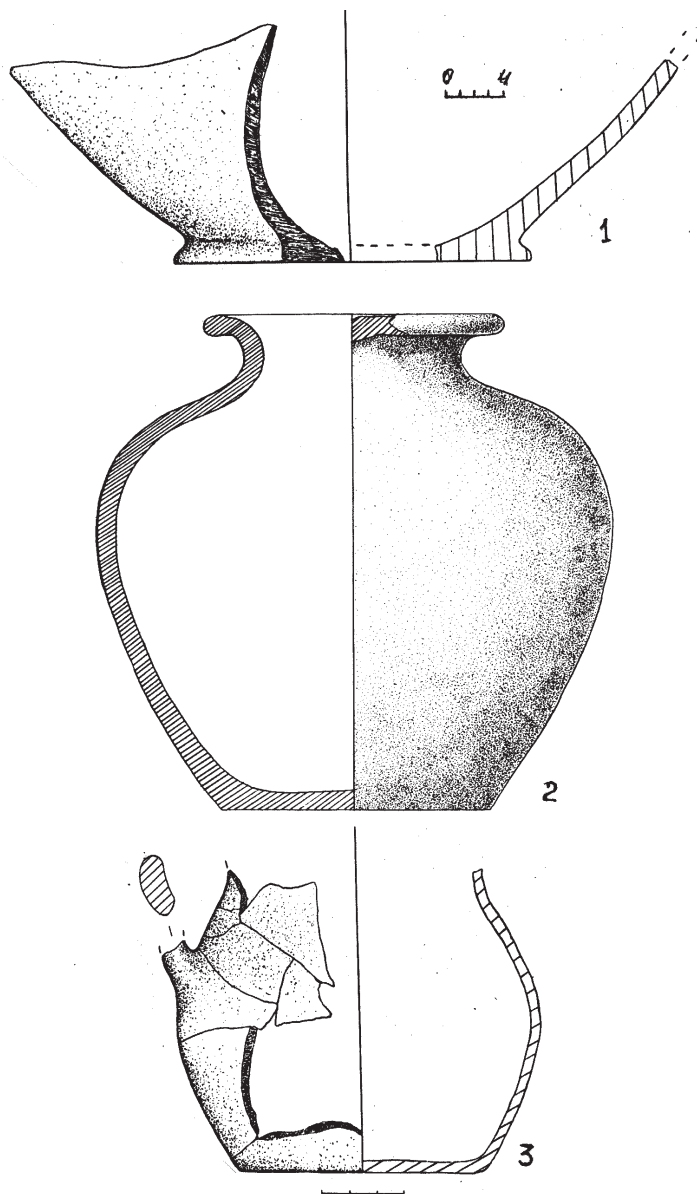

Рис. 4. Инвентарь из разрушенных погребений у х. Хабль.
1 - фр-нт дна и придонной части сероглиняного сосуда; 2 - красноглиняный сосуд;
3 - часть красноглиняного сосуда.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В 1986 г. в окрестностях этого же хутора был разрушен раннесредневековый могильник, информация о нем опубликована (13, с. 20-28).

** Результаты осмотра и рисунки предметов из разрушенных погребений приведены в отчете о работе ЮКАЭ за 1988 г. (12, с. 192-194, рис. 881-897).

*** Эта работа одна из немногих, где дано подробное описание теста майкопской керамики.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Абрамова М.П. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1993.*
2. Анфимов И.Н. *Меотский могильник I - II вв. н.э. близ станицы Елизаветинской // ВАА. Майкоп, 1984.*
3. Анфимов Н.В. *Меотские городища аулов Октябрьский и Шенджия // ВАА. 1984.*
4. Анфимов Н.В. *Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. N 23. М.-Л., 1951.*
5. Гущина И.И., Засецкая И.П. *«Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.*
6. Каминская И.В., Динков А.Б. *Большетегинское поселение в долине реки Уруп // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocavcasica I. Краснодар, 1993.*
7. Кунина Н.З., Сорокина Н.П. *Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1972. Т. XIII.*
8. Ловпаче Н.Г. *Могильники в устье реки Псекупса // ВАА. Майкоп, 1985.*
9. Ловпаче Н.Г., Дитлер П.А. *Псекупское поселение N1 // ВАА. Майкоп, 1988.*
10. Носкова Л.М., Кожухов С.П. *Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника // Меоты - предки адыгов. Майкоп, 1989.*
11. Пьянков А.В. *К истории археологического изучения Абинского района (советский и постсоветский периоды) // Вестник Абинского народного музея. Абинск, 1998. Вып. 2.*
12. Пьянков А.В. *Отчет о раскопках курганов в урочище «Циплиевский Кут» в Абинском районе Краснодарского края в 1988 году // Архив КГИАМЗ. NN 483, 483а, 483б, 483в, 483г, 483д.*
13. Пьянков А.В. *Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар, 1998.*
14. *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.*

Туаллагов А.А. (г. Владикавказ)

СИРМАТЫ И СИРАКИ

В вопросе о приходе сарматов в Восточную Европу важное место занимает проблема появления в античных источниках этнонимов "сираки" и "сирматы". Их обычно отождествляют с ираноязычными савроматами или сарматами. Анализ известных нам сообщений не позволяет безоговорочно принять этнические идентификации сирматов, расселение которых в Восточной Европе было ограничено с запада течением Нижнего Дона*. Судя по всему, сирматы становятся известны в регионе в первой половине IV в. до н.э. (12, с.44), когда, вероятно, появляются в Прикубанье и сираки. На современном этапе изучения проблемы наиболее приемлемым представляется решение, что с сирматами следует связывать распространение от Нижнего Поволжья до Дона археологических инноваций южноуральского происхождения, затухающих по мере приближения к Дону, где происходит смешение с местными савроматами. Новые мигранты были сарматами или предопределили появление тех также из Южного Приуралья в III в. до н.э. Эти сирмато-сарматские группировки связывают с даями Страбона (9, с.28-34).

Конечно, трудно отказаться от соблазнительного созвучия этнонимов "сирматы", "савроматы", "сарматы", тем более что последние два (но не первый) в последующей традиции оказываются синонимичны. Но долгая устойчивость всех более определенно говорит о различии их носителей. Заметим, что сближение савроматов с сарматами в источниках начинается с конца II в. до н.э., когда собственно савроматы исчезают с исторической арены. Большого внимания заслуживает вопрос о взаимосвязи созвучия первых частей в этнонимах "сирматы" и "сираки".

Установлено (13, с. 148-150), что перечисление Плинием (VI,48) племен за Оксом, начиная с сирматов, относится к пятой географической полосе, начинавшейся от входа в Каспийское море и охватывающей Бактрию, Армению и Иберию. Сирматы располагаются между параллелями середины Понта и устья Борисфена. Триада Плиния "сирматы-окситтаги-согды" близка триаде Птолемея ("Апотелесматика". II, 3,4) "Савроматика-Оксиана-Сугдиана", в которой отражен скифский пояс Посидония, возможно, стремившегося приурочить свои зоны к климатам Гиппарха. Отсюда может происходить и попытка Стефана Византийского отождествить савроматов у Танаиса с сирматами Эвдокса. Показательно, что Плиний увязывает сирматов с землями к востоку от Окса. По наблюдению К.Ф.Смирнова, появление в источнике Окса вместо Танаиса может отражать распространенную в эллинистической литературе путаницу Дона и Сыр-Дарьи или появление первоначальных носителей этника "сирматы" в Средней Азии из дахо-массагетского мира Южного Приуралья и Приаралья. Оба предположения представляют для нас практический научный интерес. Лишь отметим, что при путанице Дона с Аму-Дарьей следует ожидать использование названия Танаиса.

С IV в. до н.э. увеличивается и савроматское присутствие в Скифии, что прослеживается по отдельным памятникам. Тогда начинают отмечаться и черты, связанные с Поволжским и Приуральским регионами. Но следует быть корректными при обозначении их савроматскими, поскольку источники не знают о савроматах в Волго-Уральском регионе ("блюменфельдская культура"? (19, с.24)). К сирматам предлагается относить погребения на правом берегу Дона (Шолоховский, Кашеевка,

кур. 1, Сладковский, кур.4) и на Днепре (у с.Грушевка и Вороной) и отмечается их связь с Приуральем (17, с.40-54; 16, с. 18-19; 9, с.29). Сведения о сирматах появляются в первой половине IV в. до н.э., тогда как данные памятники датируются в пределах третьей четверти IV-III вв. до н.э. Причем, III в. до н.э. является наиболее дискуссионным в археологии на предмет выявления сарматских захоронений в Северном Причерноморье, к которым, например, можно отнести погребение у с.Грушевки. Придонские же памятники отличают более яркие савроматские признаки. Если и признавать памятники действительно принадлежащими сирматам, то следует говорить, что они периодически появлялись к западу от Дона, тогда как основные места их обитания лежали к востоку от реки, что подтверждают данные археологии и письменных источников.

Наиболее обоснована точка зрения об отождествлении "археологических сарматов" с носителями прохоровской культуры, которые только во II в. до н.э. вытеснят савроматов Нижнего Дона и проникнут к западу от Дона, хотя в последнем случае может сказываться несовершенство скифо-сарматской хронологии (19, с. 86). Поэтому они никак не могут быть отождествлены с сирматами. Появление последних, несомненно, связано с восточной миграцией и совпадает с началом складывания прохоровской культуры в Приуралье. Носители именно этой начальной стадии раннесарматской культуры в лице сирматов и приносят соответствующие инновации. Причем, по мере мирного продвижения на запад, не вызвавшего резкого изменения этнической ситуации, происходит их смешение с местными савроматами, оказывающими сильное влияние.

Возможно, в этой ситуации кроется двоякое толкование исследователями сираков как потомков местных савроматов или пришлых сарматов (5, с. 147; 7, с.7). Мы разделяем точку зрения о появлении сираков в Прикубанье в IV в. до н.э. Вероятно, они могут быть сопоставлены с сирматами или их частью, включившимися в создание союза, долгое время известного потом на Кубани как сиракского. Здесь может скрываться и ответ на созвучие этнонимов "сирматы" и "сираки". Показательно, что с Шолоховским курганом, несомненно, савроматским, по конструкции погребального сооружения сближается прикубанское погребение 406 второй половины IV в. до н.э., которое И.И.Марченко (10, с.84-86, 95-100, 116) относит к первой хронологической группе сарматских памятников (вторая половина IV-III вв. до н.э.). В то же время исследователь считает их савроматскими и связывает с сираками, появляющимися, возможно, в первой половине IV в. до н.э., отмечая одновременное наличие савроматских и прохоровских элементов. "Си́раки" представляются союзом племен савроматского и сарматского происхождения.

Предполагается (11, с.15; 8, с.118, сн.101), что этноним "си́раки" возник в дахо-массагетской среде Закаспия. Его носителей считали ветвью саков (15, с.92). Интересно, что перечисление Плиния племен за Оксом ограничено сирматами и сарапарами (осет. "срывающие голову"), вторых из которых отождествляют с сираками (7, с. 8). С археологической же точки зрения (18, с.148) вполне вероятно участие сакского этнического элемента Северного Казахстана и Приаралья в формировании сарматской прохоровской культуры. Упоминание Плинием сирматов и сарапаров к востоку от Окса может свидетельствовать о месте первоначального расположения носителей данных этнонимов в дахо-массагетско-сакской этнической среде, с которой были связаны и сираки (как их часть?). Отсюда они, продвинувшись на запад и

северо-запад, приняли участие в начальной стадии формирования прохоровской культуры, носители которой и мигрировали на запад в первой половине IV в. до н.э., принеся этнонимы "сирматы" и "сираки". Они же могли положить начало складыванию здесь сиракского союза, который начинает отмечаться к концу IV в. до н.э.

Одним из аргументов в пользу закаспийского происхождения сираков для исследователей служит сообщение Полиэна (VII, 12) о сакском герое Сираке, который заманил войска Дария. Обращалось внимание на его определение в источнике как ο ιππὶ φῖ ρβί ι, что сопоставимо с обозначением низшего слоя скифского общества γεωργὶ ι καὶ ιππὶ φῖ ρβί ι (Полиэн. VII, 44, 1). В описание тех же событий Фронтин (II, 4, 19) данная сословно-кастовая группа именуется "imbeUis turba", подтверждая ее невоинственный характер. Сочетание γεωργὶ ι καὶ ιππὶ φῖ ρβί ι может служить точным переводом скифского κατιαιοι τε καὶ τρασπειες, этимологизируемого как "имеющие пастбища для быков" и "державшие коней". Однако для катиаров считается более логичным искать толкование термина, исходя из отражения парной экономической функции "земледелие-скотоводство" (14, с. 68-70, 148). По нашему мнению, предложенный перевод достаточно корректен, поскольку известное по Геродоту (V, 18) название скифов "γεωργὶ ι" служит выражением лексической адаптации скифского gau-varga - "почитающие скот" (1, с. 97-100). Подтверждение оседанию сираков Прикубанья, прослеживающееся археологически, видят в сообщении Страбона (XI, II, 1), что аорсы и сираки "...частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием" (10, с. 131-134). Действительно, хотя часть сираков сохранила кочевой образ жизни, другая была охвачена процессом седентаризации (Тацит. "Анналы". 16-17), пополняя население городищ. Однако "жить в шатре" (σκενιτῖ ι) не означает постоянного поселения на городище, поэтому в "занимающихся земледелием" может вновь звучать древнее usoryoi - gau-varga - "почитающие скот".

Принадлежность Сирака, чье имя аналогично этнониму "сираки", к низшей производственной сословно-кастовой группе общества заставляет отделить его от престижно значимых, а соответственно и сам этноним. В этом наблюдается прямое противопоставление этнониму "савроматы", который служил именем, например, для некоторых позднебоспорских царей и их фамильным именем в местных хрониках. Иранские имена, содержащие первую часть этнонима "савроматы", известны у представителей верховной знати Иберии. Воинственные характеристики савроматов, участие их наравне со скифами в борьбе с Дарием во главе с царем Скопасисом делают предпочтительным перевод этнонима "савроматы" как "меченосцы" (20, с. 25, 50), а не "чернорукие", "черноволосые", "черношапочные", "носящие черную шубу", "обладатели серых коней", "обладатели серебристо-серых коней", что вполне оправданно для обозначения верховной сословно-кастовой группы воинов. Поэтому в названии сираков должна была сказаться противоположная идея, препятствующая переводу "богатыри", "герои" (7, с. 100). Невозможно принять сближение с осет. сир - "танцевать (плавно)" (2, с. 182), т.к. данное слово является заимствованием из тюркского (3, с. 113). В натухайских сказаниях о крепости Гуден-кале говорится о нескольких братьях Сав-Сераках, которых сопоставляют с племенным названием сираков (6, с. 124, 137-138). Аналогичным образом решают этимологию имени Саусырыко - "Черный (смуглый) сирак", приводя в поддержку дополнительные сведения (4, с. 54-56). Не исключено, что в названиях сираков и сирматов связано с осет. сау (иран. saua) - "черный",

отражающее низовое социальное положение в противоположность, например, названию аорсов, связанному с осет. урс/орс - "белый". Наблюдающийся перебой с гласной вполне допустим в осетинском**. Его проявление, например, может звучать в зафиксированных в городах Северного Причерноморья именах Σιαουος, Σιαυακος, Σεαυαγος, связываемых с этнонимом "сирак".

И.И.Марченко (10, с. 121-122) соотносит находки крестовидных псалиев в Северо-Западном Причерноморье с действиями прикубанских сираков возле Ольвии, отраженных в декрете в честь Протогена, оставляя открытым вопрос об их конкретной связи с саями, савдаратами или фисаматами. В первую очередь привлекает внимание название "савдараты" (осет. "носящие черное"). В целом же, декрет в честь Протогена мог зафиксировать названия союза сиракских племен, когда собственно сираки стали господствовать в Прикубанье, заняли место уничтоженной верхушки меотского общества, и начался процесс меото-сиракской интеграции. В результате внутри этого союза обозначается известное сословно-племенное деление. Руководящая роль принадлежит собственно сиракам - саи (*xsa(y) - "властвовать"), которых сопоставляют с "царскими сарматами". Далее идут меото-сиракское объединение - савдараты и собственно меоты или также меото-сираки фисаматы, чье название притерпевает оформление под влиянием ираноязычных сарматов, но сохраняет в первой части собственное меотское название Кубани Пси, этимологизируемое на основании адыгских языков.

Появление сираков и сирматов в Восточной Европе может отражать последствия какого-то социального конфликта, заставившего их уйти на запад. Не исключено, что именно поэтому сираки названы Страбоном (XI,V,8) изгнанниками. В данной характеристике они объединяются с аорсами, но признание за последними памятников сложившейся прохоровской культуры может свидетельствовать о смешении поздним источником истории племен и племенных объединений в условиях господства в регионе сарматов вообще. Увязывание разновременных событий в едином повествовании демонстрировал еще Геродот в рассказе о бегстве киммерийцев от скифов. Наша гипотеза о изначальной сословно-кастовой характеристике сирматов и сираков не противоречит признанию за носителями данных названий племенной организации, а предполагает их объединения в рамках существовавшего до переселения союза племен. Известная по источникам невоинственность также относится к общему положению в союзе и восприятию социальной стратификации самими участниками союза. Однако это не означает отсутствия воинской традиции непосредственно в самой среде сирматов и сираков, о чем свидетельствуют погребальные памятники, связываемые исследователями с волной восточных пришельцев, и резко возросшая военизированность, например, меотского общества. Однако, по свидетельству того же Страбона, сираки во много раз уступали аорсам в военном потенциале и материальном положении, а взаимоотношения сирматов и савроматов не носили враждебного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Подробный анализ сведений древних письменных источников и предлагавшихся научных решений предпринят автором в отдельной статье, подготовленной для печати.

**Выражая благодарность В.М.Гусалову за консультацию.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Абаев В.И. Геродотовские *Skythai Georgoi* // Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.
- 2.Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. 1.
- 3.Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
- 4.Аутлев П.У. О сираках, роксалах и аланах нартского эпоса // XVII "Крупновские чтения". ТД. Майкоп, 1992.
- 5.Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИН. Грозный, 1963. Т. 4.
- 6.Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
- 7.Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- 8.Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- 9.Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
- 10.Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- 11.Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII-V вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989.
- 12.Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. Л., 1971. Вып. 13.
- 13.Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.
- 14.Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- 15.Ростовцев М.И. Сарматы // ПАВ. Спб., 1993. Вып. 5.
- 16.Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.
- 17.Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- 18.Таиров А.П., Гаврилюк А.К. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- 19.Щукин М.Б. На рубеже эр. Спб., 1994.
- 20.Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I: Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.

Берлизов Н.Е. (г. Краснодар)

"ЗУБОВСКО-ВОЗДВИЖЕНСКАЯ" ГРУППА И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КУБАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Светлой памяти В.Н. Каминского посвящаю

В 1935 г. в работе М.И. Ростовцева "Скифия и Боспор" впервые появился термин "Зубовско-Воздвиженская группа" (далее - ЗВГ) (1, с. 570-572). Термин устоялся и используется для обозначения комплексов близких по набору каких-либо характеристик погребениям, исследованным в 1899-1900 гг. близ ст. Воздвиженской и Зубовского хутора (8, с. 43-47; 11, с. 94-103). Вместе с тем, за прошедшие почти 70 лет набор этот без каких-либо оснований изменялся, появилось несколько определений ЗВГ с весьма различным составом.

По М.И. Ростовцеву ЗВГ входит в состав кубанских древностей сарматского времени - так называемого "Золотого кладбища" (далее - ЗК) - на правах хронологического этапа (1, с. 570-572). В таком понимании она объединяла два погребения из Зубовского хутора, погребение в Воздвиженском кургане, два кургана у ст. Ярославской, к. 6 из Тифлисской (раскопки 1902г.) и, возможно, курганы у Армавира (раскопки 1902 г.) и к. 51 и 52 у ст. Тифлисской (раскопки 1901 г.). Датировалась она I в. до н.э. - I в. н.э.

После этого начинаются метаморфозы ЗВГ. В нее включают все сарматские погребения Прикубанья III в. до н.э. - II в. н.э., либо III - I вв. до н.э. (27, с. 14-16; 12, с. 18). Ряд исследователей отделяет ЗВГ от ЗК хронологически и по конструкции погребального сооружения: к ЗВГ относят захоронения в подквадратных ямах со столбовой конструкцией I в. до н.э. - первой пол. I в. н.э., а к ЗК подкурганые катакомбы, которые предлагалось датировать второй пол. I - II вв. (12, с. 3-4; 19, с. 10; 4; 10, с. 71-72). Такие критерии выделения ЗВГ впервые были предложены Е.П. Алексеевой (3, с. 71). Ядром ЗВГ теперь, кроме Воздвиженского и 1 и 2 Зубовских курганов, считались курганы, исследованные в 1836 г. у ст. Ярославской, в 1893 г. близ а. Хатажукаевского, в 1902 - 03 гг. под Армавиром. К ним Л. Ю. Березовская добавила к. 43 у ст. Усть-Лабинской и к. 6 у ст. Казанской (раскопки Н.И. Веселовского 1901-03 гг.), И.И. Гущина и Е.П. Алексеева - погребения из ст. Геймановской и им. Зиссерманов (раскопки 1900 г.), И.П. Засецкая - к. 3 на Лысой Горе, а И.И. Марченко и А.М. Ждановский - п. 10 к. 1 у хут. Песчаного.

Любопытно, что до сего дня не упоминаются комплексы сарматского времени в к. 3 и 4 эпонимного для ЗВГ Зубовского хут. ; кургана, с захоронением в большой квадратной яме, исследованного в 1900 г. Н. И. Веселовским и неким г-ном Петриком у ст. Тифлисской, аналогичные по обряду ЗВГ погребения в к. 2 и 8 у ст. Михайловской (14, с. 66-67; 13), сарматский комплекс из Курджипса.

Новое понимание ЗВГ выдвинуто Б. А. Раевым и С. А. Яценко. Они объединили в ЗВГ 26 комплексов из курганов Прикубанья, Нижнего Дона и Центрального Предкавказья по принципу наличия в них неких "алтайско-юэчжийских" компонентов в обряде и материальной культуре (23).

Для ЗВГ предлагалась и различная этническая трактовка. Большинство из упомянутых выше исследователей отнесли ЗВГ к сиракам, Б.А. Раев, С.А. Яценко и М.Б. Шукин - к ранним аланам, Н.В. Анфимов - к меотам.

Итак, что же можно понимать под ЗВГ: хронологический этап, группу погребений с особым обрядом либо комплексы с "алтайско-юэчжийскими" компонентами?

Корреляция хронологических индикаторов из 119 подкурганных погребений Степного Предкавказья II в. до н.э. - II в. н.э. позволяет выделить особый хронологический пласт, включивший Воздвиженский и 1 и 2 Зубовские комплексы. Набор характерных ХИ среднесарматской АК, а также фибулы, итальяские бронзы, стекло позволяют датировать его второй пол. I в. до н.э. - I в. н.э. (женская субкультура) и второй пол. I в. до н.э. - нач. I в. н.э. (мужская субкультура). Он объединил ряд погребений в ямах со столбовой конструкцией, в катакомбах, могилах неизвестной конструкции и святилище. Данная группа реально выделяется на хронологических колонках (Табл. 1 и 2), хотя и объединяет комплексы, традиционно относимые как к ЗВГ, так и к ЗК и практически выступает кубанским эквивалентом среднесарматской культуры. Она могла бы называться ЗВГ (именно так ее и понимал автор этого термина), но в связи с широким распространением терминологии, предложенной Б. Н. Граковым (савроматский, прохоровский, сусловский и позднесарматский этапы), такое название на наш взгляд нецелесообразно. В рамках единой сарматской АК разнородной в названиях синхронных этапов региональных хронологических схем ведет лишь к путанице.

Выделение ЗВГ по принципу "большая квадратная яма со столбовой конструкцией + зубовско-воздвиженский инвентарь" дает несколько иные результаты. Теперь ЗВГ объединяет только погребения в могилах строго лимитированной конструкции и своеобразным инвентарем, сочетающим дружинные инсигнии (гривны, браслеты, парадная упряжь, металлическая и стеклянная импортная посуда, набор защитного и наступательного вооружения, золотые украшения костюма и жреческие атрибуты (жезлы, каменные топоры, треножники, котлы).

Такие комплексы датируются второй пол. I в. до н.э. (Песчаный к. 1 п. 10. Зубовский к. 1*, Новоджерелиевская Р. П.*); I в. н.э. (Воздвиженская к. 1, Зубовский к. 2*, Михайловская к. 2 п. 14 и к. 8 п. 3, Армавир к. "Большой" и к. 1 п. 5. Ярославская к. "Острый" п. 2, Казанская к. 6, а. Хатажукаевский, Лысая Гора к. 2, Усть-Лабинская к. 43) и II в. н.э. (Зубовский к. 3-4, Тифлисская К. 1900 г. - см. табл. 6). Проверка сходства погребального обряда по функции сходства** показала, что связи между погребениями ЗВГ в таком составе и связи их с уцелевшими от ограбления погребениями в катакомбах кон. I в. до н.э. - II в. н.э. примерно равноценны. ЗВГ выделяется из ЗК лишь несколько большей сакрализованностью инвентаря и особой конструкцией могилы. Кроме того, погребения ЗВГ в данном понимании, распространены в гораздо меньшей степени, чем синхронные им сарматские погребения Предкавказья других типов.

Выделение в ЗВГ комплексов с "алтайско-юэчжийскими" элементами - гипотеза достаточно экстравагантная и нуждается в углубленном анализе. Отнесение всех предложенных Б. А. Раевым и С. А. Яценко комплексов к установленному ими же хронологическому промежутку (вторая пол. I в. до н.э. - первая пол. I в. н.э.), алтайско-юэчжийское происхождение ряда инноваций и выделение ряда характеристик обряда

ЗВГ в "раннеаланские" вызывает сомнения.

Так 7 из 26 комплексов относятся к периоду более раннему, чем ЗВГ. Северский курган, п. 3 из Бойко-Понуры, к. 1 п. 2 могильника Карстовый 1 и к. 1 п. 24 из Комарово (комплексы 10, 13, 18, 23 23, с. 125) относятся ко II - началу I вв. до н.э. (28; 24, с. 126; 6, Табл. 1). К первой пол. I в. до н.э. относятся погребения из Элитного, Новоджерелиевской и п. 10 из Чегема (18, С. 50; 15, С. 48, Табл. 10, 12). Соответственно, присутствующие в них якобы "алтайско-юэчжийские" черты появились в Прикубанье за 50-100 лет до ЗВГ.

Необосновано отнесение к кругу "юэчжийско-алтайских" элементов материальной культуры и погребального обряда, возводимых Б. А. Раевым и О. А. Яценко к тагарской АК и кургану Иссык: ни алтайскими, ни юэчжийскими последние никогда не считались.

Проблематична и "алтайско-юэчжийская" принадлежность украшений типа Сибирской коллекции Петра I. При всем размахе новостроечных работ на Алтае и в Северной Бактрии, аналоги Сибирской коллекции здесь не найдены. Они с завидным постоянством обнаруживаются в культуре сюнну (22, Табл. 113-114) и сарматских курганах круга ЗВГ-ЗК-Хохлача. В промежутке же лишь единичные памятники и находки (пряжка из Еркургана, клад в ур. Туздак, браслет из Пешавара и 6 погребений в Тилля-Тепе).

Расшитые золотом покровы из ЗВГ являются "древнейшими в европейских степях" только до тех пор, пока речь не заходит о Большом Майкопском кургане (1, С. 93) III тыс. до н.э. Вертикально стоящие каленные плиты из Зубовского к. 2 находят параллели в меотских погребениях IV - II вв. до н.э., Курджипском кургане (9, С. 28), погребениях II - I вв. до н.э. в Курганинском кургане-кладбище (15, С. 48). Зеркала и ложки достаточно часто встречаются в мужских раннепрохоровских погребениях, например - в Прохоровской к. 3 (25, С. 9-10).

Малоубедительны восточные параллели золотым брошам из Прикубанья. Золотые зооморфные фибулы находят более близкие прототипы боспорского и закавказского производства V-IV вв. до н.э. в Курджипсе (9, Табл. VII), Сазонкином Бугре, Вани и Ахалгорийском кладе (7, С. 151-153, Рис. 81). Броши же с овальными щитками находят абсолютные аналогии в малоазийской скульптуре.

Не стоит выводить с востока, и керамику с зооморфными ручками. Если на Кавказе она действительно распространена со II - I вв. до н.э., то в каунчинских и джеты-асарских памятниках, на которые ссылаются авторы "алтайско-юэчжбйской" гипотезы (23, С. 115, С. 35-36 ссылка) она появляется не ранее конца I в. н.э. (16, С. 64, 178, Рис. 15, 59; 20, С. 357).

Один из самых ранних образцов золотого шитья происходит не из ЗВГ, а из каменной гробницы в мавзолее Неаполя Скифского (30, С. 33, Табл. Ia, IIa). Параллели бронзовым котлам ЗВГ можно найти не только у саков Памира, но и во всех скифских культурах V-IV вв. до н.э. от Дуная до Минусинской котловины, однако, в древностях III-II вв. до н.э. бронзовые котлы отсутствуют вовсе и выводить их с востока или с запада в ЗВГ преждевременно.

В целом, погребальный обряд и набор диагностирующих вещей в ЗВГ резко отличается от юэчжийского, хорошо известного по могильникам Северной Бактрии (17). Для последних характерны курганные и грунтовые погребения в подбоях,

прямоугольных ямах, каменных сооружениях. В отличие от ЗВГ в них мало оружия, нет стеклянной и металлической посуды, зато весьма разнообразна керамика.

Гораздо перспективнее, на наш взгляд, поиски параллелей ЗВГ в Зауралье - в памятниках гороховской и саргатской культур. Здесь в погребениях IV-II вв. до н.э. отмечаются те же погребальные сооружения, что и в ЗВГ, элементы вооружения катафрактариев, "дары" на древнем горизонте под курганом*** (правда, здесь это жертвенные животные), бронзовые котлы, элементы костюма (21, С. 287-389). Южнее - в сарматских курганах Приуралья кон. IV-III вв. до н.э. находят прототипы любимых "зубовцами" зеркал с валиком по краю и умбоном в центре (21, Рис. 35), севернее - в памятниках усть-полуйской АК - аналог навершине меча из Зубовского к. 1 и среднесарматские мечи с кольцевидными навершиями (29, с. 180). Вместе с тем уже неоднократно отмечалась генетическая близость и всей массы кубанских сарматских древностей II-I вв. до н.э. (12, с. 18; 19, с. 10).

Завершая рассмотрение "юэчжийско-алтайской" гипотезы, отметим, что из присущих ЗВГ якобы раннеаланских одиннадцати элементов обряда и материальной культуры (23, с. 120, табл.) можно найти лишь один, наличествующий в аланской АК V-XII вв.: "манипуляции с кистями рук".

Таким образом, третье определение ЗВГ нуждается в дополнительной серьезной аргументации. На сегодняшний день набор комплексов в этой (разрядка моя Н.Б.) ЗВГ выглядит случайным, "алтайско-юэчжийские" и, тем более, аланские компоненты в материальной культуре и обряде во многом пока являются таковыми только в воображении авторов такой ее трактовки.

Итак, наиболее приемлемо выделение ЗВГ по совокупности микродеталей обряда как особой сильно сакрализованной прослойки дружинной знати сарматов, населявших Прикубанье во второй пол. I в. до н.э. - II в. н.э. При этом не обосновано противопоставление ЗВГ и ЗК принятое после смерти М.И. Ростовцева: это синхронные близкие по обряду памятники с одной и той же территории, оставленные одной и той же группой населения

ПРИМЕЧАНИЯ

* Детали обряда и конструкция могилы не реконструируются

** Табл. 4 и 5

*** Дыры "отмечены и под насыпью сарматского кургана I в. Ново-Кумак (раскопки 1971 г.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Л.А. *Археология СССР. М., 1977.*
2. Агеев Б.Б., Рутто Н.Г. *Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.*
3. Алексеева Е.П. *Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (IV в. до н.э. - III в. н.э.). Черкесск, 1976.*
4. Березовская Л.Ю. *К проблеме выделения и датировки памятников зубовско-воздвиженской группы // I КАК ТД. Краснодар, 1989.*
5. Берлизов Н.Е. *Ранние ачане Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. - III в. н.э.). Дисс. канд. ист. наук. Л., 1990.*

6. Берлизов Н.Е. О хронологии и толковании подкурганных катакомб сарматского времени в степном Прикубанье и Ставрополье // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.
7. Берхин-Засецкая И.П., Маливицкая Л.А. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3.
8. Веселовский Н. И. Случайные находки и приобретения. Кубанская область // ОАК за 1900 г. . СПб. , 1902.
9. Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры Прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980.
10. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. - II в. н.э.) Л. , 1980.
11. Думберг К.Е. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. Зып. I. СПб. , 1901.
12. Ждановский А.М. История племен Северного Прикубанья во II в. до н.э. - II в. н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. канд. дисс. М. 1985.
13. Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4.
14. Каминский В.Н. Отчет о раскопках курганов в ст. Михайловской Курганинского Краснодарского края. Краснодар, 1986.
15. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана-кладбища в г. Курганинске в Восточном Закубанье // Древности Кубани. Краснодар, 1987.
16. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Вып. VII. М., 1971.
17. Литвинский Б.А., Сегов В.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М. , 1984.
18. Марченко И.И. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани. Краснодар, 1987.
19. Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. - III в. н.э. Автореф. канд. дисс. Л. , 1988.
20. Массон В. М. Северная Бактрия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М. , 1985.
21. Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР. в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. , 1992.
22. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
23. Раев Б.А., Яценко С.В. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европы // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.
24. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
25. Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области, эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Вып. 37. 1918.
26. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л. , 1925.
27. Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Северного Прикубанья // КСИИМК. Вып. 46. 1952.

КАРТА I. САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРИКЛУБАНЬ. II пол. I в. до н.э. - II в. н.э.

ТИПЫ ПОГРЕБАТЕЛЬНЫХ ЯМ И ИНЫХ ПАМЯТНИКОВ:

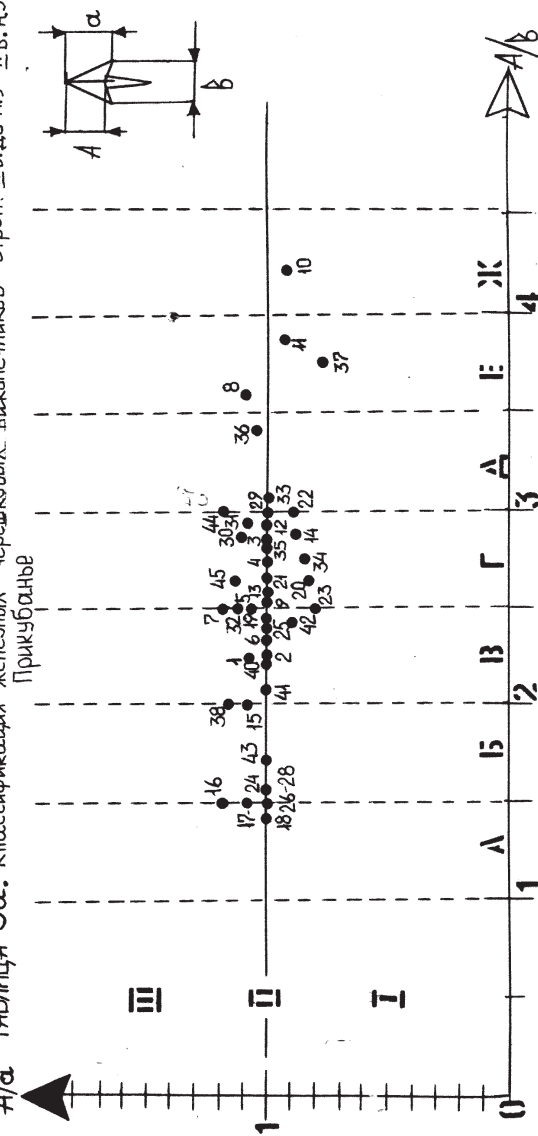
	II пол. I в. до н.э.	I в. н.э.	II в. н.э.
подквадратная яма	■	□	■
катакомба	●	○	●
прямоугольная яма	▢	▢	▢
диагональное погребение	◆	◇	◆
святилище	▲	△	▲
тип ямы не установлен	■	■	■

СПИСОК КОМПЛЕКСОВ:

1.Новодедовская; 2.Новооросовская; 3.х. Язвинский; 4.Старотитаровская (1846 г.); 5.Динская; 6.ст.Рездольная и х.Верхний; 7.Усть-Лабинская; 8.Ладомская; 9.Тифлисская (Тбилисская); 10.Кавказская; 11.Некрасовская; 12.Воздвиженская; 13. аул Хатехужевский; 14.Теймиевская; 15.х.Песчаный; 16.х.Зубовский; 17.курган близ Песчаного голожка (врт ст.Тифлисской 1900 г.); 18.Венин; 19.Петропавловская; 20, 20а.Михайловская-82 и 85; 21.Курганская; 22.Новокубанск (ст.Кубанская); 23.Армавир; 24.гр.Свободный Мир Д; 25.с.Успенское; 26.26.Курджипский курган; 27.Ярославская; 28.Коннукохабль.

А/а ТАБЛИЦА 3а. Классификация железных черешковых наконечников стрел. II в. до н.э. - II в. н.э.

I-9 - Воздвиженский курган; 10 - Карстовый I к.1 п.2; II - Малаи I к.9 п.9; I2, I3 - Приазовская I к.8-9 п.13; I4, I5 - х.Верхний к.1 п.7; I6-18 - Казанская к.2/1901; 19-20 - Казанская к.8/1901; 21 - Казанская к.10/1901; 22-23 - Казанская (Тифлисская) к.49/1901; 24 - Тифлисская к.6/1902; 25-28 - Тифлисская к.10/1902; 29 - Тифлисская к.17/1902; 30-31 - Усть-Лабинская к.29/1902; 32 - Некрасовская к.4/1905; 33-35 Тбилисская к.1/1977; 36 - Казанская (Тифлисская) к.47; 37 - Тифлисская к.8/1902; 38 - Геймновская-84 к.12 п.1; 39 - Геймновская-84 к.13 п.2; 40-43 - Геймновская-84 к.14 п.4; 44 - Тифлисская к.5/1902; 45 - Усть-Лабинская к.43/1902.

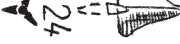
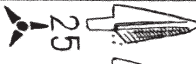
ТАБЛИЦА 36. Классификация железных черешковых наконечников стрел. Кубань.						
III	 16	 17	 38	 30	 36	 8
II	 28 24	 25 40	 41	 29		
I	 43	 23 42	 22 34	 33	 11	 10
	А	Б	В	Г	Д	Е
						Ж
						 46, 47, 48 49
						1-45: см. Табл. 3а 46-карстовый I К.1 п.2; 47-48-Вер- хний К.1 п.7; 49- Геймановская-84 К.14 п.4

ТАБЛИЦА 4а. КОРРЕЛЯЦИЯ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СВГ И ЭК ПО ДЕТАЛЯМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА.

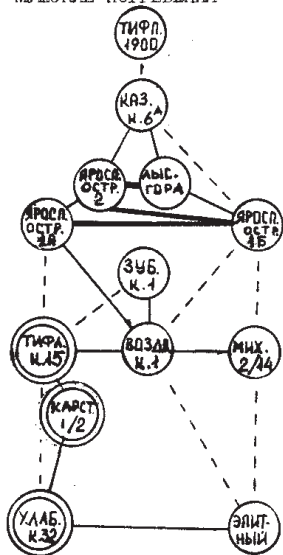
Детали обряда	характеристики погребения	Поза	ориентировка	военские инвентари	атрибуты кувша	ка-сосу-ды	детали костюма	золотые украшения	прочие
Погребения	Основное	Поза вытнута	Восток	Меч	Жезл	Котел	Пояс	Пояс	Пояс
Воздвиженская	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Зубовский I	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Лесая Гора I	+	++	++	++	++	++	++	++	++
"Острый" к.п.2	+	++	++	++	++	++	++	++	++
"Острый" к.п.1а	+	++	++	++	++	++	++	++	++
"Острый" к.п.1б	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Михайловка 2/1	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Денисов курган	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Казанская к.6а	+	++	++	++	++	++	++	++	++
Элитный	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Тюльганская 1900+	++	++	++	++	++	++	++	++	++
И.И.Серманов	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Теймановский I	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Казанская 440	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Казанская 490	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Усть-Лабинск 32	++	++	++	++	++	++	++	++	++
Верстовый I/2	++	++	++	++	++	++	++	++	++

X Введен в состав СВГ Б.А.Резвым и С.В.Яценко (Резв Б.А., Яценко С.В., 1993)

Таблица 4.6. Корреляция женских погребений знг и зк по деталям погребального обряда.

Легли Обряды	характер погребения	Поза	Ориенти- ровка	Кера миска мисочка	Котел таз патера чаша	стекл. чаша	зеркало жест кам. топор цепь гальки курильница амулетница	оселок нож	Гривна браслет фибула булавка серьги	шея, грудь пояс руки ноги в стороне	одежда полот	золотые бляшки
Казанский 66	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Армавир 1/5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
- " - Большой	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
- " - К. 4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Зубовский 2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Катяжукский 1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Песчаный 1/10	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Новокопос. 2/6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Новокопос. 5/5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Михайловский 2/25	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пролетарский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
1986 г. 5/2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
- " - 5/3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тифлисский 1/8	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Гейманока 1/3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ


```

graph TD
    34Б[34Б к.2] --- ПЕЧ[ПЕЧ. 1/10]
    ПЕЧ -.- МИХ[МИХ. 9/25]
    МИХ --- ТКФ[Т.К.Ф. к.18]
    ТКФ --- АРМБ[АРМ. БОЛЬШ.]
    ТКФ --- НОКА[НОВО-КАРП. 2/6]
    АРМБ --- КАТАХ[КАТАХ.]
    АРМБ --- ПРОДТР[ПРОД. ТР. 6/5]
    НОКА --- ПРОДТР
    НОКА --- НОКУБ[НОВО-КУБ. 5/5]
    ПРОДТР --- АРМВП[АРМ. ВП. 1]
    АРМВП -.- КАЗ[КАЗ. к.6]
    АРМВП --- АРМК4[АРМ. к.4]
    АРМК4 --- ПРОП[ПРОП. 5/3]
  
```

 3K
 3B

Коэффициент парного сходства: ————— 40 — 60

— 30 - 39

- - - 20 - 29

1. Курган на р. Зеленчук близ Песчаного Городка в юрте ст. Тифлисской. Раскопки местного жителя Петрика в 1900 г. По ОАК за 1900 г. и коллекциям ОИПК Государственного Эрмитажа.

28. Смирнов К.Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. Вып. XI. М., 1953.
29. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. Вып. 2. М., 1954.
30. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.
-

Хачатурова Е.А. (г. Краснодар)
**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА
СОСУДЕ I В. Н. Э. ИЗ СТ. СТАРОКОРСУНСКОЙ**

Среди множества археологических предметов музейной коллекции необыкновенно интересным представляется сосуд из ст. Старокорсунской из женского погребения, совершенного в культурном слое городища, которое Н.В. Анфимов датирует второй половиной I - первой половиной II в. н.э. Фриз сосуда украшают сцены охоты на оленя и битвы. Это один из редких образцов местной - меотской графики, который, как мне кажется, тесно связан с мифологией, религиозными представлениями и ритуальной практикой жителей Прикубанья I вв. н. э. - меотов и сарматов.

Тулово сосуда шаровидной слегка сплюснутой с двух сторон (у основания и вершины) формы с невысокой узкой шейкой отогнутым наружу венчиком и плоским, слегка вогнутым дном (рис. 1).

Глина темно-серого цвета, лощение темно-графитного, местами на лощении есть утраты.

Размеры сосуда: высота - 10 см, диаметр тулова - 14, диаметр горла - 7 см, диаметр донца - 6 см.

Венчик горшка украшен гравированной, зигзагообразной линией. По фризу сосуда процарапан острой палочкой по сырой слегка подсушенной глине рисунок. Изображение, занимающие почти всю поверхность сосуда можно разделить на три сюжета:

- 1) охота на оленя: охотник вооружен копьем, с двумя собаками.
- 2) охота на оленя: охотник вооружен луком и стрелами.
- 3) сражение двух вооруженных копьями воинов, третий - с луком и стрелами, четвертый из сражающихся - пал в битве, обезглавлен.

Сцены охоты и битвы следуют одна за другой без каких-либо интервалов. Если считать центральной сцену охоты на оленя воина вооруженного копьем и собаками, то две другие располагаются слева и справа от нее. Охотник вооруженный луком и летящие стрелы, олень - слева, а битва трех воинов и одним павшим в бою - справа.

Сосуд был впервые опубликован в каталоге выставки: "Шедевры древнего искусства Кубани". (10, кат. 225, рис. 75, 76, стр. 151). В этом каталоге имеется фото и рисунок фриза, в котором правда имеются некоторые неточности и ошибки. О семантике изображений на сосуде писали Н.В. Анфимов (1, с. 287-293, рис. 1,2) и А. Гадагатль (3, с. 164-169) уделила ей внимание в своей статье Л.А. Асланова (2, с. 25).

Рассмотрим подробнее три изображенные на сосуде сцены:

Если считать центральной сценой - сцену охоты на оленя с помощью копья и

собак (олень здесь изображен крупнее), то перед нами - изображение оленя в профиль головой влево. Его рога, образуют овал и отростками напоминают лучи. О половой принадлежности оленя судить сложно, т.к. изображены, одновременно, половые признаки и самца и самки. Ветвистые рога имеет только самец. Охотник помещен позади оленя в профиль влево. На голове черточкой отмечен нос и точкой - глаз. Туловище расчерчено семью горизонтальными полосками, возможно, имитирующими панцирь воина, в руках длинное копье, конец которого вонзился в оленя. Спереди и сзади оленя - две собаки. Собака, расположенная позади оленя, вцепилась в ему в бедро.

Вторая сцена изображает охоту на оленя с рогами, напоминающими солнце. Они подобны рогам первого оленя, с небольшим отличием: посредине двух ветвей помещена третья короткая линия. Этот олень также изображен в профиль головой влево с половыми признаками самца и маленьким хвостом, изображенным в виде простой черточки. На него охотится человек, помещенный впереди, слева от оленя, обращенный к нему спиной, и стреляющий из лука сложной формы. Голова стреляющего изображена: в профиль, влево, нос - короткой чертой, глаз - точкой. Многоперая стрела летит по направлению к груди оленя, острием обращена к нему. Вторая стрела, оперением резко отличается от первой. Оно гуще и направлено в разные стороны, половина - против направления полета. Острие стрелы заключено или окружено неполным овалом с четырьмя отростками, что существенно видоизменяет изображение. Завершение стрелы напоминает голову существа с рогами и ушами.

Итак, перед нами две сцены охоты на оленя. Что стоит за этими изображениями?

В мифологии многих народов мира достаточно широко известен образ золоторого оленя, оленя "Золотые рога" и охоты на него. Эти сказания являются отголосками древних мифов и обрядов. Так А. Голан, в своей книге "Миф и символ", пишет: "Солнечный или золоторогий олень известен в русском фольклоре, Эдде, греческих мифах, превращалась в оленюху ведическая богиня утренней зари или восходящего солнца, у хеттов образ оленя участвовал в ритуале почитания богини Солнца. В наскальных изображениях Швеции и Италии олень связан с солнцем" (4, с. 38).

Изображения оленя, охоты на него, широко известны в прикладном искусстве населения Северного Кавказа и Прикубанья, а также Центрального Кавказа, со времен глубокой древности. Так например, среди материалов Кобанского и Тлийского могильников (9, с. 43, 81-37, рис. 44; с. 129-133, рис. 99-100) на бронзовых булавах, топорах, бронзовых поясах, бронзовых пряжках, бронзовых статуэтках, они известны с XIII в до н. э. (8, с. 44-47, рис. (1, 3, 7) (рис. 2, 3). В Прикубанье в скифское время предметы выполненные с использованием образа оленя широко представлены среди находок Келермесских, Ульских, Костромского и др. курганных могильников (1, с. 151), есть изображение оленя и на керамических меотских сосудах Прикубанья (рис. 4, 5).

В Чечне, Ингушетии, Дагестане на камнях кладки стен построек, боевых башен встречаются многочисленные изображения оленя и сцен охоты на него (5) (рис. 6, 7). На многих из этих изображений присутствует розетка. Солярный знак в виде кругов с отходящими от них лучами помещены и на изображениях оленей на поясах Тлийского могильника (9, с. 131, с. 133, рис. 99-100).

У двух оленей изображенных на нашем сосуде переданы ветвистые рога так, что

они напоминают изображение лучистого солнца, что также может служить подтверждением его (оленья) связи с солнцем и в данном случае.

Второй сюжет мифа о золоторогом олене, золотом олене, несущем на себе солнце это охота на него, за ним гонится хищник или охотник убивающий его. Мифологические сцены европейских и сибирских народов содержат миф о чудесном олене "обладают данными для вероятностного толкования образа охотника, преследующего оленя" (6, с. 667). В ряде сказаний он - представитель преисподней. У древних греков "олений охотник", не кто иной, как сам Гадес. В сказаниях Сибири, и в Европе бог преисподней выступает как бог грома, а это одна из характеристик древнего мифологического образа владыки преисподней (4, с. 38).

На рисунках башен и жилищ Северного Кавказа, в изображениях на кобанских бронзовых предметах в сценах охоты и преследования оленя присутствуют собаки. Собаки же существа, так же связанные в мифах и поверьях, (например Цербер) с преисподней, т.е. являются представителями нижнего мира.

Архаический образ бога преисподней распался на ряд более мелких божеств, в числе которых оказался и особый бог охоты. У народов Северо-Западного Кавказа мифический покровитель охоты связан с громом и молнией, одно из свидетельств о его происхождении от божества подземного мира, распоряжающегося водами земными и подземными, бог-громовержец Апсвестпш, Апсаты, Афсати, Апсата, Мезитха (6, с. 24, 54). Атрибутами этого божества были наделены герои сказаний народов Северо-Западного Кавказа в том числе герои сказаний о нартах. Так охоте на золотого, солнечного оленя посвящено много сказаний из числа легенд о Сослане (Сосруко), это и сказание "Сослан в стране Гум" и "Поход Сослана", "Смерть Арахдзау", "Как Сослан женился на Ведухе", "Сослан в стране мертвых" и мн. др. Интересны и поэтичны описания золотого оленя. Например в мифе "Сослан в стране мертвых" - "Охотился я в камышах. Вдруг гляжу, точно солнце засияло среди камышей и увидел я на поляне лань. Шерсть у нее из чистого золота. . . Солнечные лучи, отскакивая от ее золотой шерсти, казались тоньше ее самых тонких палочек и кололи Сослану глаза: до того они яркие". Далее говорится, что "не знал Сослан, что под видом лани преследовал он дочь Солнца Ацырухс, которую оберегали семь. Гонясь за ланью, бежал Сослан по пещере и вдруг увидел перед собой семиарусный замок" (7, с. 163-168, 211-212). В последующих словах о пещере и замке мы снова видим детали описания царства мертвых, а то что лань - олениха дочь солнца, еще раз напоминает нам о связи образа оленя с солнцем. Вот еще описание оленя в сказании "Поход Сослана" (7, с. 163-168, 211-212). "Олень пощипывает траву на перевале. Как подует на него ветер, каждый волос его звенит как бубенчик". Но этот олень, на самом деле - женщина, мать юношей превращенных алдарами Гуамского ущелья в золотого оленя. В легенде об этом говорится следующее: "Мать наша из рода нарттов. Была она на примете у алдара Гумского ущелья и он силой увел ее к себе. Но мать наша была непреклонна, и алдар разгневался на нее, ударил ее войлочной плетью и сказал: "Превратись в золотого оленя. . . "И превратилась мать в золотого оленя". Своим молоком она вспоила затем своих детей, но была ранена Сосланом одной из стрел. Если мы обратимся к нашему сосуду, то на одной из сцен охоты на оленя, охотник стреляет в солнечного оленя, который в нарушение верности природным образцам изображен и с ветвистыми рогами ими обладает только самец и с выменем.

Легенды же часто описывают девушку или женщину в облике оленя.

Таким образом, можно согласиться с тем, что как пишет А. Голан, реконструируя древнюю основу мифа о солнечном олене, "солнце перемещается по небу на рогах чудесного оленя, за которым гонится божество преисподней, к концу дня наступающее оленя, отчего происходит закат и наступает ночь" (4, с. 35). Следовательно, солнце постоянно обитает в подземном мире, а выходит из него временно, по своей воле. Вспомним, что солнечная лань из сказания, дочь Солнца, живет в подземной пещере, местопребывании божества подземного мира, да и охотники настагающие оленя, обычно спускаются в ущелье, как повествуют сказания о нартах.

Отдельные линии этого древнего мифа много веков спустя вошли в ряд мифологических сюжетов нартского эпоса народов Кавказа и быть может в отдельных деталях присутствуют в рисунках Старо-Корсунского сосуда.

Обратимся к следующим деталям сцен (6, с. 667), изображенных на Старокорсунском сосуде; к образу т.н. "дикого охотника" и его стрелам, летящим в золотого оленя.

Прежде чем касаться этой части сюжета, еще раз посмотрим, как описывается золотой олень в легендах: "стоило пошевелиться оленю, как шерсть на нем звенела на все голоса", (7, с. 131-132) шкура оленя "была такая, что каждый волос ее звенел колокольчиком, а каждая щетинка смеялась бубенчиком. И стоило только тронуть эту шкуру, как начинала она петь чудесными голосами" (7, с. 131-132), в других легендах его просто называют золотистый олень (7, с. 182) и золотой олень (7, с. 131). Охотятся на него нарты - Сослан, Арахдзау, сын Берзенага, и Гумский человек. Вот как описывает Гумского человека сказание: "а человек этот ростом не меньше башни" (7, с. 127-138), живет он в Гумском ущелье, описание этой страны, ее обитателей, говорит о том, что это подземный мир, царство мертвых, а житель ее, хозяин - Гумский человек, один из образов божества царства мертвых, охотящийся на солнечного оленя.

В отдельных мифологических циклах Сослан - Сосруко - солнечный герой, в других он, как и Арахдзау (7, с. 169-182), представитель "низа" мира мертвых. В этих своих ролях они являются охотниками на солнечного оленя.

При помощи чего же они охотятся? На нашем сосуде мы видим две стрелы: одна с обычным оперением, другая же - не совсем обычна оперение ее обращено в сторону противоположную направлению полета стрелы, а на наконечнике ее - овал с четырьмя отростками, который достаточно сложно интерпретировать. Одной из гипотез могла бы быть следующая: изображенный на конце стрелы овал напоминает голову существа. В мифологии многих народов мира - Европы, Азии, в том числе и Северного Кавказа божество низа представлялось в виде рогатого существа или большими рогами. В мифологии же абхазов существует герой по имени (6, с. 604) (ближе к осетинскому Батрадзу и адыгскому Патразу), помощник нартов, происходит из племени карликов, один из его подвигов - взятие крепости великанов, где им выстрелили из лука.

Одной из гипотез могла бы быть следующая: изображенный на конце стрелы овал напоминает голову рогатого существа, "отростки" рога и уши. В мифологии многих народов мира - Европы, Азии, в том числе и Северного Кавказа божество низа представлялось в виде рогатого существа - еозлорогого, с бараньими или бычьими рогами. В мифологии же абхазов существует герой по имени Цвиц (близкие к осетинскому Батрадзу и адыгскому Патразу), помощник нартов, имеющий черты

тристера происходит из рода племени карликов, один из его подвигов - взятие крепости великанов, где им выстрелили из лука. Все упомянутые черты Цвицва карликовая природа, имеет отношение к огню (по легенде он всегда сидел у очага, стругая палочки), превращение в стрелу говорит нам о том, что этот герой также принадлежит к хтоническому кругу богов.

Таким образом, необычное изображение стрелы можно отнести к графической попытке изобразить волшебную стрелу громовержца, стрелу, быть может, являющуюся самим божеством.

Вот как описывает полет стрелы Сослана и других нартских героев легенды: "Сырдон сразу же узнал стрелу Сослана по шуму, который издавала она при полете", или: "и услышал Сослан как, подобно небесному грому, гремят, пролетая, их стрелы" (7, с. 169). Следовательно волшебные стрелы "дикого охотника" издавали звуки, подобные грому. Это также одна из черт свойственная богу подземного мира, богу грозы, богугромовержцу; мы можем предположить в изображении на нашем сосуде именно такие стрелы.

Сцены охоты на оленя его - две. На одной охотник охотится с помощью лука, на другой - копьем убивает оленя, загнанного собаками. Изображены эти два охотника поразному: на втором по туловищу нанесены горизонтальные полосы, так обычно изображали панцирь, на первом таких полосок нет. Это различие двух охотников следует запомнить, так как оно существует и в третьей сцене, где так же изображены двое сражающихся воина.

Все легенды о нартах, описывающие сцены охоты на золотого оленя, дают описание охоты, в которой участвуют двое: Сослан и Гумский человек, Сослан и Арахдзау, Пэтэрэз, Батрадз и Бурадзаг, сын черного Доллау, врага нартов.

Эта одновременная охота похожа на состязание, кто первым убьет золотого или белого оленя, как в сказании о Батраузе, или кому будет принадлежать раненый или убитый олень. Охотник - Гумский человек - Арахдзау, Бураузаг, как мы уже знаем имеют отношение к подземному миру. Гумский человек "ростом не меньше башни" (7, с. 128), живет он в стране Гум, за лесами (вход в царство мертвых иногда находится в лесах, в ущелье). Арахдзау, приемный сын Бердзенад-алдара, мальчиком, обладает неимоверной силой и ловкостью присущей божествам подземного мира, вот как описывает его сказание: "А ведь что-то беспокойно на нашей равнине. Луна и солнце заблестали на небе, а ниже стелется туман. Стаи птиц густой тучей летят к нам, и глубокая борозда, точно после плуга, пролегла по нашим полям - говорит Урызмаг, Шатана отвечает. . . теперь вот на вас идет тот, кто сильнее вас то, что туманом кажется вам, это пар изо рта его коня. То, что кажется вам стаями птиц, - это из-под копыт его восьминогого коня взлетают комья земли выше головы его, и черным воронам подобны они. То, что называете вы луной и солнцем это оружие его так сверкает, что слепнут глаза от этого блеска. А глубокую борозду оставляет огромный меч этого всадника потому, что он еще маленький мальчик, по земле волочится меч его и взрывает ее" (7, с. 177).

Бурадзаг приемный сын черного Доллау, также имеет отношение к подземному миру. Черный Доллау жил в большой пещере. Стены этой пещеры были из рыбьей кости. Всех возможных богатств была полна эта пещера (7, с. 319).

По легендам Сослан или выходит на охоту и стреляя в оленя, ранит его, затем

оленя добивают оба охотника, или охотясь на оленя, он находит его пронзенным стрелой другого охотника, вместе разделявают, или не убив оленя, его уведат.

Сцены охоты на Старокорсунском сосуде, по видимому, так же передают какие-то мифы, рассказывающие об охоте на золотого оленя двух персонажей, героя и персонажа имеющего отношение к подземному миру или самого бога подземного мира. Герой, вероятно, одет в пластинчатый панцирь (в нартовских сказаниях есть рассказ о панцире Церека и шлеме Бидаса (7, с. 188, 150)), и весьма вероятно на голове его шлем. Персонаж, которого мы относим к образу божества подземного мира в сцене охоты и сражения изображен крупнее и несколько иначе решен, чем персонаж, одетый в панцирь. Герой, охотящийся на оленя с копьем и собаками, вероятно также имеет отношение к подземному миру и образу бога подземного мира в более ранних циклах сказаний. Прежде всего, нам об этом говорят изображенные в сцене собаки, которые имеют прямое отношение к божествам подземного мира. О том, что Сослан, солнечный герой, неоднократно пребывающий в царстве мертвых говорит и легенда "Услышала дочь Солнца имя Сослана и сказала:

Если это Сослан, то он суженный мой.

А как узнать нам вправду ли это Сослан или нет?

У Сослана на спине нарисованы луна и солнце".

Пошли уаиги в покой для гостей раздели Сослана и увидели на спине его луну и солнце" (7, с. 213).

В мифах задействованы и ритуалы и обрядовые действия иллюстрировавшие борьбу, соперничество за обладание Солнцем-девой, дочерью Солнца в образе оленя. По всей вероятности именно этот поединок запечатлен в сцене борьбы сражения, в котором центральное место принадлежит двум сражающимся, вооруженным копьями, один из них, слева, крупнее, второй - ниже и одет в панцирь и, вероятно, в шлем. На поле сражения - сверху - лежит павший, обезглавленный, он меньше ростом двух центральных фигур, левее и чуть ниже левой фигуры (без панциря), изображен еще один сражающийся с луком и стрелой в руках. Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что в сцене борьбы за обладание золотым оленем мы видим героя (справа в панцире и шлеме), сражающегося с существами подземного мира, один из которых уже погиб, обезглавлен, два других сражаются. Причем погибший, и вооруженный луком - существа подчиненные, поэтому изображены в масштабе меньшем, чем главные герои. Обладание луком и стрелами также черта божеств преисподней, о которой не раз говорится в сказаниях: Сырдон просит царя царства мертвых в сказании "Сослан в царстве мертвых" "дай мне скорее самых метких твоих стрелков, чтобы снизу, из преисподней, пускали они стрелы в копыта коня"... (7, с. 232-233)

Одной из иллюстраций к этой сцене Старокорсунского сосуда мог бы быть миф "Смерть Арахдзау", где Сослан вступает в борьбу с Куаналдаром.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анфимов Н.В. *Меотский сосуд с мифологическими сценами. В кн. В.А.А. Майков, 1992.*
2. Асланова Л.А. *К вопросу о формировании адыгского орнамента. В кн. Вопросы искусства народов Карачаево-Черкессии. Черкеск, 1993.*
3. Гадагайль А.М. *Героический эпос нарт адыгских (черкесских) народов. Майков, 1987.*

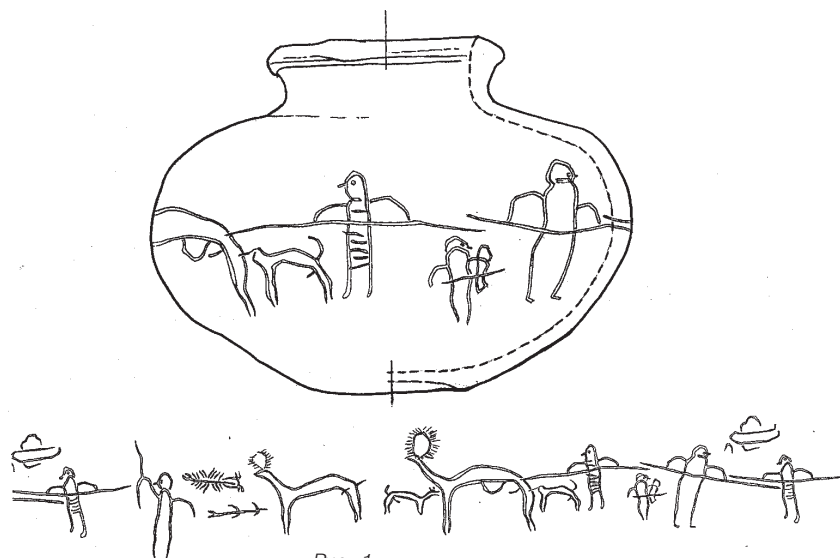

Рис. 1.

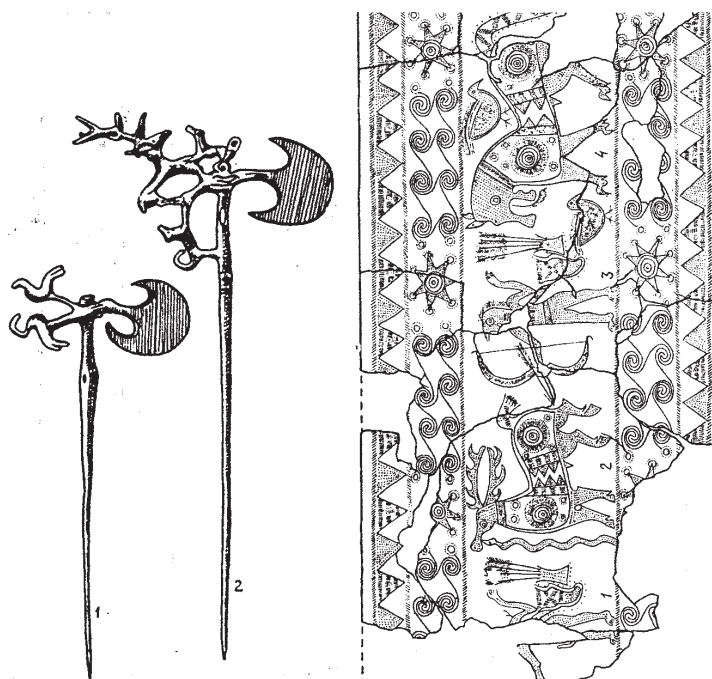

Рис. 2.

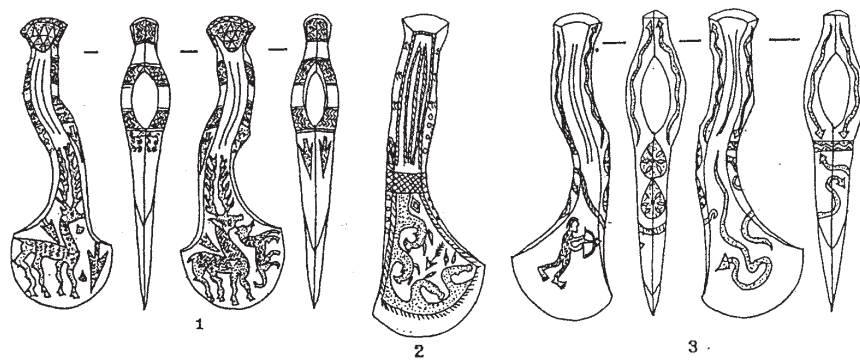
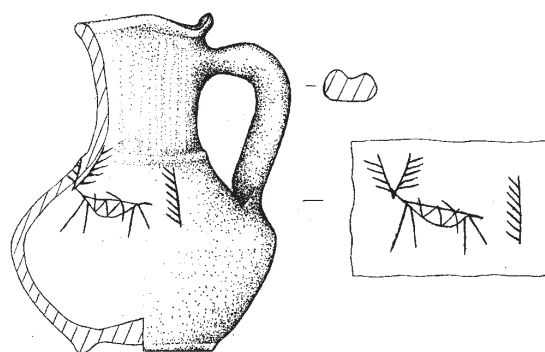
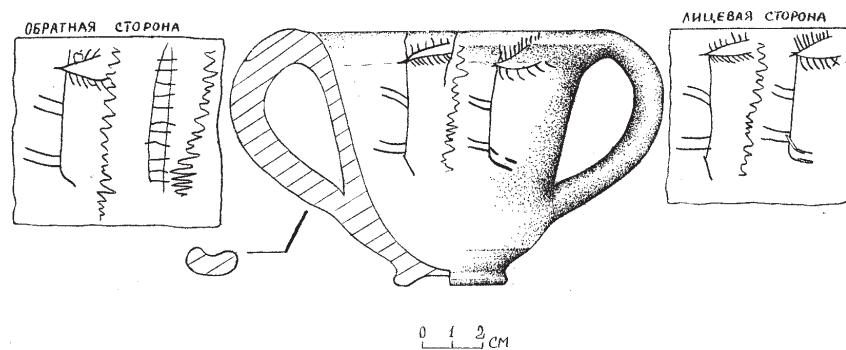

Рис. 3.

0 1 2 см

Рис. 4.

0 1 2 см

Рис. 5.

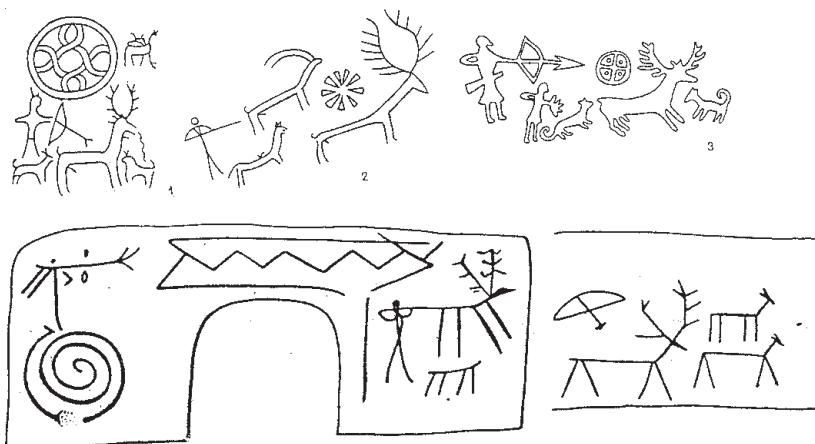

Рис. 6.

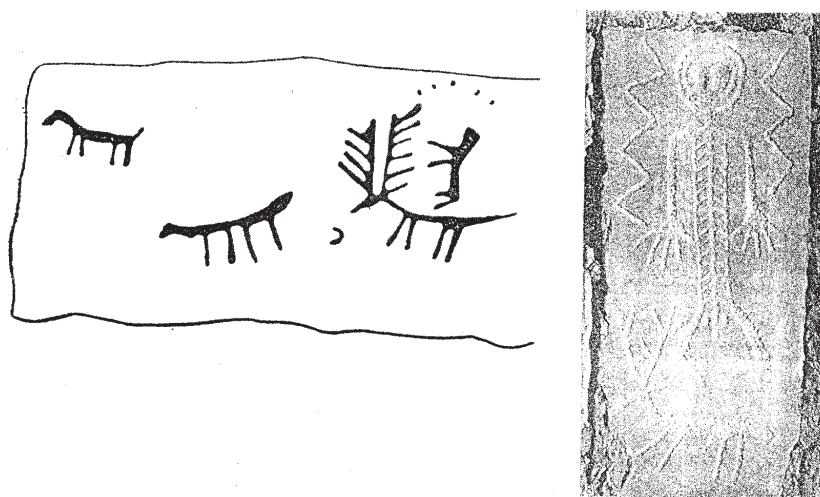

Рис. 7.

4. Голан А. Миф и символ. М., 1993.
5. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957-1965 гг.).
6. Мифологический словарь. М., 1991.
7. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.
8. Скоков А.Ю. Семантика топора и секиры у древнего населения Кавказа. В сб. Военная археология. СПб., 1998.
9. Техов В.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
10. Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.

Зеленский Ю.В. (г. Краснодар)

ХРОНОЛОГИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ И ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ

В половецких погребениях степного Прикубанья и Восточного Закубанья найден ряд предметов являющихся хронологическими индикаторами. Это стремена типов VI, DII и DIII по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (16), шпоры первого типа по типологии А.Н. Кирпичникова (6), сфероконические шлемы типов II А и II Б по типологии А.Н. Кирпичникова (5), срезни в виде широкой лопаточки, в виде узкой лопаточки с закругленными сторонами и в виде ласточкиного хвоста, распрямленные гривны, гривны, "рога" - украшения женского головного убора, лазуритовые подвески. Эти предметы находят многочисленные аналогии в позднекочевнических погребениях евразийских степей.

В погребениях черных клобуков Поросья стремена типов В I, DII и DIII датируются

XII - началом XIII вв. (13). Г.А. Федоров-Давыдов датирует их концом XII - началом XIII вв. (16). В памятниках Урало-Волжского региона они датируются XIII - XIV вв. (3). Я считаю, что в северокавказских памятниках эти стремена датируются концом XII - первой половиной XIII вв.

Шпоры первого типа А.Н. Кирпичников датирует концом XII - началом XIII вв. В Новгороде они найдены в слоях XIII в. (6). В погребениях кочевников нигде кроме Прикубанья они не найдены. По моему мнению погребения степного Прикубанья в которых найдены такие шпоры можно датировать первой половиной XIII в. В погребениях степного Прикубанья и Восточного Закубанья не встречены односоставные удила без перегиба, которые характерны для печенегов (12).

Такие наконечники стрел как срезни в виде широкой лопаточки с округленными сторонами, узкой лопаточки и ласточкиного хвоста по мнению исследователей являются хронологическим индикатором золотоордынской эпохи (8; 16). Другие исследователи датируют их более ранним временем (17; 7). Раздвоенные срезни у алан появляются после X в. (4). По моему мнению половецкие погребения со срезнями в степном Прикубанье и Восточном Закубанье датируются 30-ми гг. XIII в. Срезни найдены на древнерусских городищах (8) и в погребениях белореченской культуры (10). В половецких захоронениях нет трехлопастных наконечников стрел. У алан они исчезают в начале XII в. (4).

Сфероконические шлемы А.Н.Кирпичников датирует концом XII - началом XIII вв., оговаривая правда, что в Прикубанье они известны и позднее (5). Аналогичные шлемы найдены на древнерусских городищах и в погребениях черных клобуков в Поросье (5), Полусферические шлемы изображались на половецких каменных изваяниях и могут датироваться XII - началом XIII вв. (14). Погребения из Прикубанья со шлемами могут датироваться концом XII - первой половиной XIII вв.

Погребения с распрявленными гривнами и гривнами в большинстве своем датируются концом XII - началом XIII вв. (18). В Прикубанье гривны и распрявленные гривны коррелируют с котлами, что еще раз позволяет датировать эти погребения концом XII - началом XIII вв. Лазуритовые подвески и "рога" датируются концом XII - началом XIII вв. "Рога" часто изображались на женских половецких изваяниях (14).

Половецкие погребения степного Прикубанья и Восточного Закубанья можно разделить на несколько групп.

К первой относятся погребения близ аула Кубина в Верхнем Прикубанье (9) и погребение близ ст. Староминской (1). Их можно датировать началом XII в.

Большинство погребений следует датировать концом XII - началом XIII вв. Ряд погребений и прежде всего погребения со срезнями я датировал 30-ми гг. XIII в. К этому же периоду можно отнести и комплекс из разрушенного погребения близ ст. Новоберезанской (2). Основанием для датировки служит пояс.

И наконец несколько погребений можно датировать золотоордынским временем. Это погребения с золотоордынскими монетами (15), погребения в которых использована береста (11). На мой взгляд к этому периоду можно отнести погребения с серебряными чашами характерными для белореченской культуры.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Анфимов И.Н. Новые находки погребений кочевников XII - XIII вв. в

- Восточном Приазовье (материалы из коллекций Краснодарского историко - археологического музея-заповедника; поступления 1988, 1990 гг.) // Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы докладов конференции. Керчь, 1996.
2. Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник. Краснодар, 1993. Вып. 1.
 3. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII - XIV вв.). М., 1988.
 4. Каминский В.Н., Цокур-Каминская И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко - археологический альманах. Армавир - М., 1997. Вып. 3.
 5. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX - XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1971. Ч. 3.
 6. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.
 7. Кызласов И.Л. Кипчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. №2.
 8. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII - XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.
 9. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Ставрополь, 1967. Вып. 11.
 10. ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
 11. ОАК за 1902 г. СПб., 1903.
 12. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. №62. 1958.
 13. Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М., 1973.
 14. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М., 1974.
 15. Труды подготовительного комитета V археологического съезда. Тифлис, 1879.
 16. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
 17. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
 18. Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Поднепровья. Днепрпетровск, 1987.

Волков И.В. (г. Москва)

ТАМАНСКИЕ ОСТРОВА В "КНИГЕ ПУТЕШЕСТВИЯ" ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 98-01-00283а.

Для правильного понимания смысла не только текста самого Эвлии, но и других авторов XVI-XVIII вв., существенно знание значения топонимов, использовавшихся в то

время. Даже реконструкция некоторых исторических событий невозможна без точного представления о топографии полуострова, особенно о проходимых протоках. Самым показательным в этом смысле является ход Адахунского сражения в июне 1638 г. [14]. Определенную ценность локализация островов представляет из-за существующей тенденции к пересмотру взглядов на историческую топографию региона, обусловленную стремлением к открытиям [10]. Идея представления Таманского полуострова не как архипелага, а как именно полуострова не нова и даже не забыта, хотя в течение долгого времени дилетанты не высказывались в печати.

По большому счету, даже в настоящее время Тамань состоит из трех больших островов (кроме основного острова водой окружены Голубицкий останец и гряда, на которой стоит современный Темрюк) и множества мелких дельтовых, в лиманах, при косе Чушка и т.д. Естественно, и сейчас, и в прошлом острова были разделены не большими водными пространствами, а протоками реки Кубани и лиманами. Поэтому с моря Тамань воспринималась именно как полуостров, а путешественникам для понимания расположения сети протоков и лиманов требовалось очень много времени. В связи с этим вольным интерпретаторам текстов античных авторов можно обратить внимание на то, что при явном наличии отдельных островов в настоящее время никому не приходит в голову называть Тамань не только группой островов, но и островом: все знают только о полуострове. Даже уровня развития картографии в середине XIX в. не хватало для того, чтобы правильно изобразить все ерики дельты Кубани [11, с.17]. В настоящее время площадь лиманов очень сильно сократилась, по наблюдениям за 1869-1930 гг. площадь Ахтанизовского и Курчанского лиманов сократилась на 84 кв.км, т.е. средняя скорость этого процесса составляла 1,4 кв. км в год [5, с.7-8, рис.1]. Однако считать этот процесс поступательным и реконструировать площадь лиманов в прошлом, исходя из этой скорости, было бы столь же примитивным подходом, как и определять число и размеры островов, основываясь только на колебаниях уровня моря. Общеизвестным, например, считается, что в настоящее время поступательно идут глобальные процессы повышения уровня моря и опускания суши дельты Кубани на 1,5-3 мм в год [5, с.6], что должно вести к расширению водных пространств. Однако площадь лиманов продолжает сокращаться. Слишком много процессов оказывали на это воздействие, а колебания уровня суши реконструкции вообще не поддаются. Неизменно происходила смена процессов абразии и аккумуляции, например, в районе ст.Голубицкой, где долго шла абразия морского берега, в настоящее время очень быстрыми темпами идет аккумуляция¹.

Главная трудность при реконструкции исторического ландшафта состоит в том, чтобы доказать одновременное существование протоков, разделяющих острова. Разнообразие процессов, влияющих на развитие дельты, обусловило частую смену направления сброса воды. Далеко не последнюю роль в этом играла деятельность людей, причем не только в последнее время. Легкость изменения направления сброса обусловлена тем, что очень малы перепады высот на всей площади дельты за исключением вулканических гряд Таманского полуострова. Поэтому усилий небольшого количества людей бывало достаточно для серьезных изменений ландшафта [2, с.12-17]. Река Переволока, составляющая часть современного устья Кубани была прокопана в 1819 г. жителями станиц Старотитаровской, Ахтанизовской

и Темрюкской с целью опреснения вод Ахтанизовского и Курчанского лиманов, что в результате скоро вылилось в изменение основного направления сброса вод [3, с.104]. Этот процесс был усугублен чисткой новообразованного русла при попытке развить постоянное судоходство на Кубани [11, с.52-53]. Тогда же была забита р.Курка. В результате в середине XIX в. было прорвано уже без участия человека Пересыпское гирло [5, с.15; 7, с.41]. В 1842 г. арендатор Ачуевского рыбопромыслового участка А.Л.Посполитак приказал забить 70 ериков ответвляющихся от р.Протоки, что привело к изоляции лиманов Сладковской и Ахтарской систем и их засолению (осолонились даже Куликовские и Жостерские лиманы) [5, с.14; 7, с.22]. Однако после окончания срока аренды режим Протоки был восстановлен. В 1912 г. был забит до полного исчезновения Демин ерик [5, с.15]. Естественно, что только часть изменений ландшафта, произведенных человеком, получила отражение в письменных источниках. Легко представить себе, насколько масштабной могла быть деятельность турок, перед которыми в XVI-XVII вв. стояла задача предотвратить плавание казачьих флотилий по протокам Кубани из Азовского моря в Черное.

Как бы то ни было, единственным хоть в какой-то мере спорным вопросом является наличие Субботина ерика и Шемарданского рукава. Наличие остальных совсем легко доказывается старыми картами и планами. По всей видимости, С.Ф.Войцеховский выделил больше древних протоков исторического времени, чем их было на самом деле [7, с.6-7], что и отмечалось геоморфологами [4, с.169]. Однако именно наличие Субботина ерика и Шемарданского рукава у геологов, работавших на месте, обычно не вызывает сомнений [4, с.168-169, рис.9; 7, с.41].

Влияние давления газов на повышения уровня суши на полуострове процесс почти не изученный [7, с.6], а в настоящее время, надо полагать, сильно измененный в результате интенсивной промышленной добычи. В любом случае возможность исторических реконструкций ландшафта и датировки изменений границ суши на основе естественнонаучных методов всегда будет очень ненадежна, а их датировка в исторических масштабах времени почти невероятна. Поэтому именно данные письменных источников всегда будут оставаться основой наших знаний об этих явлениях. Наиболее эффективен анализ позднесредневековых источников, которых значительно больше, чем античных, которые оставлены лицам непосредственно посещавшими Тамань, которые можно сравнивать между собой и которые, наконец, значительно ближе к нашему времени.

Фраза издателей русского перевода текста Эвлии Челеби о том, что перед читателем как бы развертывается карта Таманского полуострова середины XVII в. [19, с.19] сильное преувеличение. У этого есть и объективная причина, не связанная с непоследовательностью текста самого Эвлии очень быстрое изменение ландшафта кубанской дельты за последние 300 лет. Провести реальную линию маршрута путешествия в целом очень сложно, однако эта задача для Таманского полуострова существенно упрощается тем, что есть по крайней мере 3 точки, локализацию которых мы можем признать несомненной: крепости Тамань, Темрюк и безымянная на месте ст.Голубицкой. Менее точно, но все же со значительной вероятностью, определяется положение крепостей Адахун, Кызыл-таш, Тузла, деревни Шан-Мерд. При всей сбивчивости и непоследовательности текста турецкого путешественника объемность приведенного им материала позволяет получить более точную информацию, чем другие источники.

Для понимания текста путешественника в первую очередь надо представить маршрут его движения (рис.1). Высадка вместе с беглым крымским ханом Мухаммед-Гиреем произошла, по всей видимости, в южной части Таманского полуострова в непосредственной близости от крепости Тамань. Пока хан набирал воинов в течение нескольких дней, Эвлия отправился из Тамани до Темрюка, от Темрюка до Кызыл-таша, далее до крепости Тузла и обратно в Кызыл-таш.

На первом отрезке Эвлия сначала шел 5 часов на восток в глубь острова [19, с.45]. Эта формулировка позволяет предполагать, что турок шел не по берегу, но незначительно отделившись от него, хотя это не совсем обязательно. Несколько противоречит этому тот факт, что первая встреченная деревня Шоломкай расположена на берегу озера, далее на берегах озер пили соленую воду, периодически проходили песчаные места, которые также должны находиться на побережье Таманского залива.

В пользу движения вдоль берега свидетельствует и расположение следующей деревни Рамазан-бей, расстояние до которой не менее пяти часов ходьбы, расположенной на берегу озера, выплеснутого Черным морем [19, с.45]. Вероятно, речь идет о Таманском заливе. Движение без отклонения от оговоренного направления на восток могло быть также в том случае, если этими солеными озерами были Маркитанское или Шемарданская бухта на побережье, а выплеснутым Черным морем было озеро у Ахтанизовского залива, в настоящее время совершенно пересохшее, но в прошлом веке фиксировавшееся на картах [9, к.3] (рис.2).

Однако здесь следует оговорить и другие возможные варианты начального участка маршрута. Основными ориентирами являются соленые озера и озеро выплеснутое Черным морем. Хотя небольшие озера встречались на гряде поблизости от крепости Тамань, они в конце XVIII в. в основном были пресными. П.С.Паллас писал о них, что на ближних горах к городу Таману находятся на самых вершинах небольшие озера с пресною водою, кои обросли камышом и во весь год не иссыхают [15, с.231]. В настоящее время значительная часть водоемов на гряде искусственные и пресноводные. Однако встречаются здесь и соленые озера, например, на горе Карабетова. Если Эвлия писал о них, то он мог идти на расстоянии до 4 км от берега. Естественно, в XVII в. должно было существовать и оз.Соленое, расположенное к западу от пос.Веселовка. П.С.Паллас оставил характеристику этого озера очень близкую к современной. Соляное озеро близ Усть-Кубани находящееся имеет около четырех верст в окружности, и как положением берегов, так и глубиною сходствует с другими, на Таврическом острове находящимися. Но добываемая из него соль, как сказывают, не столько имеет в себе крепости, как та, которая из тех получается [15, с.231; 16, с.66-67]. Однако вероятность приближения Эвлии к этому озеру слишком мала: большой крюк от основного направления, хорошая видимость моря, новые объекты и неизбежный затем обход лимана Цокур должны были бы вызвать дополнительные комментарии в тексте Книги. Третий альтернативный вариант локализации соленого озера, выплеснутого Черным морем – это лиман Цокур. Вариант вполне реальный, т.к. П.С.Паллас зафиксировал предание о том, что прежде он был отделен от Кизилташского. Примечательно, что в тексте П.С.Палласа именно Цокур назван Кизилташским заливом, а современный Кизилташский проходит под названием Кубанского. О Кизилташском заливе. Находящийся подле Кизилташского мыса залив из южного Кубанского лимана был, по преданиям татар, пред сим соляное озеро; но когда умножилось около его селение, то жители прокопали оное в том месте, где оно от лимана отделялось, и впустили туда пресную воду, от чего уже ныне

не садится в нем соли, и вода для питья стала быть удобной [15, с.230; 16, с.66]. При последней локализации соленого озера маршрут Эвлии мог отклониться от берега Таманского залива на расстояние до 7 км. Но три описанных альтернативных варианта маршрута значительно менее вероятны.

Далее путешественник прошел много благоустроенных деревень [19, с.45], в числе которых назван и чифтлик Осман-паши-оглу, расположенный недалеко от озера [19, с.46]. Из этого следует, что Эвлия при встрече этого хутора уже несколько удалился от Таманского залива, который опять назван озером.

Следующий пункт – это сале Шан-Мерд, положение которого со временем может быть установлено с достаточной степенью точности, т.к. фиксируется на русских планах XVIII в. Именно этот населенный пункт дал название Шемарданскому рукаву. О расположении деревни на южном берегу протоки (Шемарданского рукава) свидетельствует указание на то, что это деревня шахского острова, а Эвлия называл так только остров Тамань [19, с.46]. Из современной топонимики название Шемарданской бухты Таманского залива, казалось бы, приближает нас к искомому пункту. Однако, поскольку Эвлия указывает, что деревня находилась на заливе Адахун [19, с.46], предпочтительнее сделать предварительную локализацию на берегу Ахтанизовского лимана (рис. 1).

Дальнейшее движение, как указывает сам путешественник, продолжалось на восток [19, с.46]. Однако это не самый удобный путь в Темрюк. Возможно, турок неправильно указал направление или ему пришлось идти по льду. В последнем случае ошибка направления будет минимальной. Вероятность того, что в первой половине апреля лиман был еще замерзшим невелика, но она все же существует. (Кизилташское устье Кубани в это время было уже без льда, т.к. через него переправлялись на судах, но там было значительно более быстрое течение [19, с.50]). Если же направление указано правильно, то по сути Эвлия должен был двигаться в сторону горы Дубовый Рынок, что также возможно, но для пешехода это тупиковый путь. В пользу такого маршрута свидетельствует то, что только на обратном пути из Темрюка Эвлия упомянул Голубицкое городище, крепость Адахун и прочие населенные пункты. Противоречит этому полное молчание путешественника о переправе через какую-либо водную преграду, без чего невозможно было обойтись.

Через пять часов ходьбы от сале Шан-Мерд было встречено место, называемое Диль-бурун, которое не является населенным пунктом, но формулировка не позволяет утверждать, что это только мыс (бурун). Сказано, что место расположено между заливом Адахун и Азовским морем. Возможно, что Диль-бурун – это мыс у горы Дубовый Рынок. П.С.Паллас называет эту гору Темегес [15, с.232], но это не единственный случай полного несовпадения топонимики XVII, XVIII и XIX-XX вв.

После этого следует подробное описание крепости Темрюк [19, с.46-48], положение которой установлено точно [8]. Единственное, что вызывает определенные трудности в интерпретации – это формулировка заголовка: Описание земли Бербере, или прибежища безопасности Темрюк-кермана. Казалось бы, из этого следует, что Темрюк находился в земле Бербере, однако использование этого топонима в Книге путешествия очень противоречиво. Под этим названием скрываются и остров Тамань [19, с.58], и Голубицкий останец [19, с.48], и область Северного Кавказа смежная Кабарде [19, с.89,90,92]. Следовательно, скорее всего, этот топоним имел широкое и узкие значения. Островом прямо он не назван ни разу.

В Темрюке Эвлия провел остаток дня и ночь (по крайней мере не меньше), а затем пустился в обратный путь на запад с земли этого острова Темрюка. Первые

полчаса он шел на север и за это время добрался до развалин городища на месте современной станицы Голубицкой. Направление указано не совсем точно, т.к. реально ему приходилось идти на северо-запад (или же он отсчитывал начало маршрута от крайней юго-западной части острова, вдали от самого города Темрюка). Название развалин не указано, говорится только, что это крепость на населенной земле Бербере [19, с.48].

От Голубицкой путешествие шло через озера и холмы на запад. Холмами безусловно является возвышенность Голубицкого останца, по которому только и можно было идти на запад. Упоминание озер позволяет трактовать маршрут по-разному. Эвлия мог упомянуть их только в связи с тем, что по левую руку видел заросший тростником Ахтанизовский лиман. Также с этим может быть связан необходимый переход через Пересыпское гирло или приустьевую часть Ахтанизовского лимана. Этот участок, скованный льдом и заросший тростником, вполне мог производить впечатление озер. Может это относиться и к движению вдоль Субботина ерика, даже если пришлось идти по льду. Конечная точка движения на запад – разрушенная крепость Адахун (прежде Калхасынджа). Эвлия специально указывает, что именно в этом месте проходила заключительная часть Адахунского сражения, которое произошло во второй половине июля 1638 г. [14]. Единственная характеристика пригодная для локализации этой, во времена Эвлии Челеби уже разрушенной крепости – это то, что она расположена в странном месте [19, с.48]. Вероятно, странным показалось то, что крепость расположена на берегу небольшого Субботина ерика вдали от моря.

От крепости Адахун Эвлия двигался только в южном направлении (в сторону кыблы) вплоть до крепости Кызыл-таш. Этот переход составлял не менее 7 часов (2 часа сале Совуджук 3 часа сале Идрис зимовье Атеш-бея 2 часа крепость Кызыл-таш). Поскольку время пути между деревней Идрис и зимовьем Атеш-бея не указано, можно предполагать, что в реальности дорога длилась более 7 часов. Возможно также некоторое изменение направления именно на этом участке, т.к. здесь оно не оговорено. В целом же это описание маршрута выглядит вполне реальным: около 25 км на ЮЮЗ вполне можно было преодолеть за 7 часов. Единственным серьезным препятствием здесь был лиман Цокур, но и его можно было преодолеть по льду или через упоминавшийся П.С.Палласом перешеек у Лысой горы и мыса Кизилташ.

Крепость Кызыл-таш описана весьма подробно, после чего указывается, что в двух часах пути от нее находится крепость Анапа. Далее приводится краткая повторная характеристика Анапы, но из текста однозначно следует, что в Анапу Эвлия на этот раз не ходил, а лишь смотрел в ту сторону. Он направился в глубь шахского острова, на самую западную его оконечность, к мысу Тузла, где находилась уже разрушенная в его время одноименная крепость. Локализация этого мыса достаточно надежна, т.к. название сохранилось до настоящего времени. Обратный путь от Тузлы до Кызыл-таша занял у Эвлии 1 день [19, с.51]. После этого турецкий путешественник переправился на левый берег Кубани и оказался в землях племени шагаков, за пределами острова Тамани. Теперь перейдем к определению границ островов.

ОСТРОВ ТАМАНЬ. В самом начале главы об этом острове и крепости Эвлия Челеби, ссылаясь на ханский дефтер, приводит расстояние острова по периметру 67 миль. Вероятнее всего, эти сведения действительно заимствованы из точного источника, т.к. при описании собственных наблюдений Эвлия почти не использовал

мили для определения расстояний. Если же это число стояло в официальном административном документе, то расстоянию вполне можно доверять. Умозрительно можно предположить, что измерение было произведено еще итальянцами, а затем просто продублировано в турецкой документации.

Острова, составляющие в совокупности Таманский полуостров, за историческое время меняли свои очертания, что связано с изменением русел протоков Кубани. Однако почти все они имеют обрывистые участки, довольно значительные по протяженности, которые не изменились настолько, чтобы это могло существенно повлиять на измерение периметра. Все определения расстояний должны были делать именно по таким обрывистым участкам, а низины, заросшие тростником, вне зависимости от наличия в них воды, видимо, не воспринимались как суша. Измерения расстояний в тростнике также были предельно затруднены.

В таблице приведены приблизительные размеры трех участков суши, которые могут претендовать на название остров Тамань (крепость Тамань, естественно, на этот остров попадала).

Граница от крепости Тамани	Периметр совр.	Рез.размер мили
До Шемарданского рукава	134 км	ок. 2 км
До Субботина Ерика	150 км	ок. 2.239 км
До Пересыпи и Чушки	227 км	ок. 3.338 км

Самое близкое к миле значение получается в том случае, если граница будет проходить по исчезнувшему в настоящее время Шемарданскому рукаву.

Некоторую информацию для определения границ острова Тамани дает указание на административное подчинение населенных пунктов, описанных Эвлией Челеби. В описании сказано, что сале Рамазан-бей не приписана к какой-либо области, хотя расположена на Таманском острове [19,с.45]. Следовательно, эта деревня, расположенная, исходя из текста, южнее или западнее деревни Шан-Мерд и одноименной протоки, находилась уже у границы острова Тамань.

ОСТРОВ АДАХУН. Его локализация значительно затрудняется тем, что под этим названием скрываются лиман, остров, крепость и санджак. Хотя он был вторым по размерам островом архипелага, указаний на то, что он был именно островом, в тексте турецкого путешественника еще меньше только одно. Эвлия пишет, что во времена Баезид-хана здесь [была] большая битва Гедик Ахмед-паши с неверными казаками и так как победа [досталась ценой] потоков крови, ее стали называть Адахун, или Кровавый остров. После победы крепость разрушили [19,с.48]. Исходя только из этого текста, можно заключить, что крепость Адахун находилась на одноименном острове. Поэтому для определения границ острова необходимо привлечь иные источники.

Арби де ла Мортэ, информация которого относится ко времени около 1711 г., отмечает, что деревни Адды [представляют] нечто вроде острова,... обнимающего область Тамани и Темрюка [1,с.125]. Поскольку известно, что турецкая деревня с таким названием находилась на Фонталовском побережье, резонно предполагать, что участок к северо-западу от Субботина ерика также входил в Адахунский санджак и, видимо, также относился к острову. Вероятно, именно этот участок суши имел в виду

Джованни де Лукка, писавший около 1625 г. о том, что между Таманью и Темрюком находится коса земли, на берегу которой несколько деревень [1, с.70].

Известно, что санджак Адахун составлял северную часть современного Таманского полуострова (что, впрочем признается многими исследователями). Большие сложности вызывает определение его точных границ с восточной и южной сторон. Если исходить из того, что он, как и Тамань, был санджаком, можно полагать, что их общие площади были сопоставимыми. Тогда наиболее предпочтительной является граница по Пересыпскому гирлу Ахтанизовскому лиману и Шемарданскому рукаву.

Все же окончательно решенным этот вопрос считать нельзя, т.к. в тексте на время путешествия Эвлии Челеби (1666 г.) нет ни единого упоминания протоки, ведущей из Ахтанизовского лимана в Таманский залив, у сале Шан-Мерд, (что, впрочем, отчасти объясняется возможным ее замерзанием или наличием моста). Между тем на множестве карт, выполненных в европейских традициях в XVII-XVIII вв., судя по номенклатуре, с учетом сочинений Джованни де Лукки и Николая Витсена, в центральной части Таманского полуострова обозначается отдельный остров, ограниченный протоками, но не имеющий выхода на морское побережье. При всей схематичности этих карт и очевидном частом использовании словесной информации, а не данных съемки местности, для изготовления изображения только остров между Субботиным ериком и Шемарданским рукавом мог послужить прообразом для таких карт.

К числу этих карт относятся следующие. 1. Карта Юга России и Украины, составленная в 1699 г. Яковом Брюсом (1670-1753) и Георгом Менгденом (1628-1702) и выгравированная на меди около 1701 г. в Амстердаме Иоганном Тессингом (без названий на внутреннем острове). 2. Карта Великой России и Черного моря, составленной Иоганном Баптистом Хоманном в Нюрнберге в 1720 г. (без названий на внутреннем острове). 3. Новая карта Азовского моря, составленная Маттео Зейттером в первой половине XVIII в., где внутренний остров не имеет дополнительных обозначений (рис.3). В данном случае расположение этого острова к востоку от Темрюка результат графического изображения словесной информации. 4. Карта Малой Татарии, Крыма и Черного моря, составленная Яном Ковеном и Корнелием Мортье в Амстердаме, в первой половине XVIII в., где внутренний остров в северном углу опять же имеет обозначение населенного пункта Адахун (Tahoun). К югу от этого острова, на черноморской протоке Кубани сделана подпись *Kislitas ou Quiltach*, но не вполне понятно, обозначает ли она реку или крепость, которая не отмечена специальным условным значком (рис.4). 5. Новая карта Малой Татарии или Таврии, составленная в 1792 г. И.Б.Эльвом в Амстердаме, где этот внутренний остров своим северным углом почти выходит на побережье Азовского моря и на этой вершине обозначена крепость Адахун (Tahoun)². 6. На двух не атрибутированных картах (рис.5), оттискивавшихся с одной доски (после модификации картуша и деталей)³. Судя по номенклатуре, в основном заимствованной с портоланов XIII-XV вв., и очертаниям русел рек, близко совпадающим с изображением на картах Исаака Маассы, эти карты относятся приблизительно к середине XVII в. На этих картах крепость Адахун (Adehon) обозначена в южной части Таманского полуострова, но к северу от лимана, соответствующего черноморскому устью Кубани.

Если к этому добавить, что, по сведениям Эвлии Челеби, конец Адахунского сражения 1638 г. (рядом с крепостью Адахун) происходил у некоего устья реки [21,

р.143], то реальное поселение, соответствующее этой крепости надо будет искать у одного из окончаний Субботина ерика. Резонно предполагать, что крепость находилась на берегу Ахтанизовского лимана (а не Таманского залива), т.к. в задачи адахунского бейлербея входила защита с 10 фрегатами устья реки Кубани и залива при замке Темрюк [22, s.320]. Поскольку на серии карт крепость обозначена именно в северном углу внутреннего острова, она более всего соответствует Ахтанизовскому поселению 4 [17, Т.1, с.353-357]. Есть небольшая вероятность того, что крепость находилась на месте многослойного поселения, соответствующего античным Кепам. Совсем мала вероятность того, что она была на месте поселения Юбилейный 5 [17, Т.1, с.291-294, рис.87]. Поселение очень небольшое, и определено составителем карты как сельское [17, Т.1, с.294]. В пользу такой локализации свидетельствует лишь факт наличия на этом крохотном поселении материала XVII-XVIII вв., что подтверждается находками урн с горизонтальными ручками.

ОСТРОВ ТЕМРЮК. Упоминается в Книге только один раз, но для локализации этого упоминания вполне достаточно. На обратном пути из Темрюка (далее которого на восток Эвлия вообще не ходил) в сторону станицы Голубицкой: Затем на следующий день в течение получаса я, ничтожный, шел с земли этого острова Темрюка без садов и виноградников на север [19, с.48]. Следовательно, границы острова выглядят предельно ясно: с севера Темрюкский залив, с юга Ахтанизовский лиман, с запада и востока две соединяющие их протоки.

Та протока, которая протекала непосредственно под стенами Темрюка, к востоку от него, обозначена на планах г.Темрюка, составленных в 1776 и 1777 гг. И.Ф.Бринком [8, рис.1,2]. У нее нет названия и она не доходит до Темрюкского залива, что связано с аккумуляцией берега. Возможно также, что исчезновение этой протоки не обошлось без вмешательства человека: во время Адахунского сражения 1638 г. (и, вероятно, в последующие годы) турки целенаправленно забивали все выходы из Ахтанизовского лимана в Азовское море. Но еще в январе 1778 г. А.В.Суворов отмечал существование на этом месте пролива сажень на двадцать ширины, бывает глубиной от трех до пяти четвертей аршина, а по сторонам сей дороги места болотные и камышеватые [8, с.91; 18, с.20]. На более ранних европейских картах протока соединяется с Азовским морем очень четко, к востоку от Темрюка (рис.3, 4). На русской маршрутной карте, составленной около 1685 г. (рис.6), Темрюкское гирло названо Соляным ериком [20, fig.1; 23, fig.1] (название читается только во втором издании). Надо полагать, что именно эту протоку Н.Витсен называл рекой Абазас, где татары много раз устраивали засады [24, S.398; 13, с.61].

Протока у Голубицкого городища очень четко обозначена на плане, опубликованном К.Герцем [9, к.4] (рис.7). Хотя ее выход в Темрюкский залив не попал на этот план, сомневаться в его наличии не приходится.

ОСТРОВ (ЗЕМЛЯ) БЕРБЕРЕ. Эвлия ни разу не назвал этот участок суши островом, но из текста (впрочем неоднозначно) следует, что речь идет о Голубицком останце. Границы самого останца весьма выразительны, почти везде здесь есть обрывистая береговая линия.

Это название бытовало очень долго, причем относилось не только к острову, но и к разрушенной крепости на месте ст.Голубицкой, и к порту Темрюка, который там находился. Оно встречается также в форме Берберземин, Бахбарземин [13, с.68; 1].

Главное же в этой рабочей версии сопоставления Голубицкого останца и Бербере это то, что столь компактный и выразительный участок суши, даже сейчас имеющий вид острова, ни разу не назван островом и не проименован как-то иначе. Это провоцирует применять к нему единственное имеющееся в тексте название.

Пересыпское гирло, ограничивающее этот участок суши с запада, в настоящее время очень выразительно. Однако в прошлом веке оно было полностью перекрыто речными наносами, именно так показано на карте К.Герца [9, к.2]. Эта временная замкнутость Ахтанизовского лимана многократно отмечалась [11, с.41; 9, с.30]. Вопрос о функционировании этой протоки во времена Эвлии остается открытым, т.к. ее также могли забить турки для предохранения от нападений казачьего флота.

ОСТРОВ ЙЫЛАНЛЫ. Текста Книги путешествия для его бесспорной локализации было бы явно недостаточно: По реке Кубани плавают суда. Они могут доходить до крепости Темрюк и до острова Йыланлы [19, с.51-52]. Из этого следует (с определенной натяжкой), что остров находится выше по течению, чем крепость Темрюк, причем поблизости от последней. Очень выразительным (и почти единственным) островом к востоку от Темрюка (и выше по Кубани) является вулканическая гряда между Курчанским лиманом и Кубанью (о.Большой Кандаур по Дюбуа де Монпере). Однако тогда при плавании от Кизилташского гирла (именно его называл устьем Кубани Эвлия) к Темрюку последний отрезок (Йыланла Темрюк) пришлось бы переделывать вниз по течению, что несколько нарушает стройность повествования.

Окончательный ответ на вопрос дают карты XVII-XVIII вв., где населенный пункт с этим названием (а, следовательно, и остров) находится к востоку от Темрюка (рис.4). Примечательно, что на картах встречается более правильное написание и легче переводимое название острова Йыланада, т.е. Змеиный остров.

При выделении островов разумно охарактеризовать представление Эвлии Челеби об имеющихся здесь водных объектах.

ТАМАНСКИЙ ЗАЛИВ. При описании крепости Тамань путешественник дважды указывает, что перед ней находится залив [19, с.43]. Казалось бы, при своем дальнейшем движении на восток воду по левую руку он также должен называть заливом. Однако он отмечает, что восточнее сале Шоломкай, где время от времени встречались песчаные места, на берегах озер пили горькую воду [19, с.45]. По самому вероятному варианту толкования текста, этими солеными озерами должна быть восточная часть современного Таманского залива. Также о восточной части Таманского залива могло говориться при характеристике следующей деревни Рамазан-бей: Эта деревня является благоустроенным поселением на берегу озера, выплеснутого Черным морем [19, с.45]. Тогда современный Таманский залив Эвлия мог воспринимать как 2 безымянных объекта: залив и озеро. Самая вероятная естественная граница между ними это косы, идущие от Фонталовского полуострова и Маркитанского озера. Вполне возможно, что восточная часть залива вообще была отделена косами. Это близко соответствует и картам XVII-XVIII вв., где размеры Таманского залива сильно приуменьшены или он вообще не выделялся, и реконструкциям геоморфологов [6, с.85-89; 12, с.195, рис.98]. Впрочем, такая трактовка гипотетична. Если выплеснутое было озеро у Ахтанизовского лимана, то ничего нельзя сказать ни о разделении, ни о наименовании Таманского залива в Книге.

ЗАЛИВ АДАХУН. Без особого труда сопоставляется с современным Кизилташ-

ским (и, возможно, Бугазским) лиманами. В тексте прямо говорится, что одноименная крепость находится в том месте, где озеро Адахун сливается с Черным морем [19, с.49]; что залив Адахун на реке Кубани является местом, соединяющим реку Кубань с Черным морем; это большой залив в полмили шириной [19, с.51] и т.п. [19, с.52].

Лиман Цокур в тексте не выделен вообще, если не считать возможности наименования его озером, выплеснутым Черным морем. В любом случае он не относился к Адахунскому лиману. Возникают сомнения в том, что тогда существовал Бугазский лиман, т.е. была ли Бугазская коса. Кроме молчания об этом, в пользу отсутствия последней свидетельствует то, что устье располагалось рядом с крепостью Кызылташ, а ширина его составляла полмили [19, с.51]. Витязевский лиман не назван, однако о его существовании Эвлия, видимо, знал, т.к. после духкратного указания на единство устья Кубани и залива Адахун пишет: Река же Кубань сливается с Черным морем ниже залива Адахун [19, с.63] (впрочем, эта фраза допускает другое толкование, если подразумевалось расположение устья ниже по течению). Однако локализацию Адахунского лимана нельзя признать столь простой.

В тексте сообщается, что Шан-Мерд стоит на заливе Адахун [19, с.46]. Однако эта деревня в действительности могла находиться только на берегу Ахтанизовского лимана. Из этого должно было бы следовать, что Ахтанизовский лиман в понимании турецкого путешественника это тоже залив Адахун. Далее следует фраза, допускающая двойственное толкование гидронима: между заливом Адахун и Азовским морем мы прошли место, называемое Диль-бурун [19, с.46]. Если Диль-бурун находился на Голубицком останце, то из этого следует, что Ахтанизовский лиман также воспринимался как Адахун. Но такое утверждение также не может быть бесспорным. Если Диль-Бурун это мыс у Дубового рынка, то четких выводов о названии лимана вообще сделать невозможно. Этому косвенно противоречит фраза из описания Темрюка, от которого со стороны кыблы [течет] река Кубань [19, с.47]. В реальности же с юга от средневекового Темрюка находился только Ахтанизовский лиман, прилегающая часть которого в настоящее время пересохла. Еще южнее действительно находится речная долина Кубани, из чего следует, что между Ахтанизовским и Кизилташским лиманами во времена Эвлии должен был находиться участок речного пути, разделяющий два залива. Тем не менее, видимо, турецкий путешественник воспринимал их оба как один, что могло быть и его субъективным мнением. Во всяком случае наименование Ак-денгис (Белое море) [15, с.231; 16, с.65], трансформировавшееся затем в современное название, не было известно путешественнику.

Обращаю внимание читателей на то, что границы Ахтанизовского и Кизилташского лиманов, обозначенные на плане (рис.1) пунктиром, проведены предположительно, с учетом планов И.Ф.Бринка и скорости сокращения площади лиманов за время наблюдений в XIX-XX вв. Во времена Эвлии ситуация могла быть иной, т.к. при И.Ф.Бринке Ахтанизовский лиман слабо соединялся с Кубанью. П.С.Паллас отметил, что ныне протоки, изливающиеся в него из реки Кубани, так обмелели, что и самые малые лодки не могут туда проходить иначе, как будучи перетащены через мели силою [15, с.231; 16, с.65]. В конце XVIII в. и протоки, ведущие из лимана в Азовское море были небольшими и очень мелкими [9, с.30; 11, с.41, 53]. Однако после того, как

в первой половине XIX было прокопано новое Темрюкское гирло (а до этого р.Переволока) уровень воды в лимане существенно упал [11, с.47-48]. Следовательно, повышение уровня воды могло быть связано с заносом (или целенаправленным перекрытием) упомянутых протоков из лимана в Азовское море. Тогда во времена Эвлии, когда эти протоки функционировали, уровень Ахтанизовского лимана мог быть ниже и, следовательно, его площадь меньше, чем при И.Ф.Бринке. В этом случае турецкому путешественнику могло оказаться удобно по пути от сале Шан-Мерд к Темрюку через Дубовый Рынок просто обойти Ахтанизовский лиман с восточной стороны.

КУРЧАНСКИЙ ЛИМАН. Название его в книге путешествия не дается, но есть краткая и вполне красноречивая характеристика, которую нельзя отнести ни к какому другому водному объекту: С восточной стороны (от Темрюка И.В.) есть большое озеро, пополняемое [водой] из реки Кубани, мелкое, но пресное [19, с.47]. Это ценное свидетельство того, что во времена Эвлии Курчанский и Ахтанизовский лиманы не были единым водным пространством.

Еще один топоним очень важен для понимания географии Таманского полуострова, но при, на первый взгляд, очевидности трактовки его значения, здесь слишком много спорного. Речь идет о проливе Чочка и мысе Чочка, который должен соответствовать современной косе Чушка. При описании темрюкского порта Эвлия пишет, что теперь из-за того, что пролив закрыт и не могут проходить суда, таможня лишается пятидесяти юков акче дохода. Если в эту местность придет падишахский флот и пролив Чочка легким усилием будет открыт, то ежегодно у казны будет постоянный морской порт [19, с.47]. Следовательно, существовал еще и «пролив Чочка», закрытие которого сделало невозможным движение больших «стамбульских» судов к Темрюку при том, что морской рейд оставался столь же доступным, как и прежде. Очевидно, что мыс Чочка «Книги» должен точно соответствовать современной косе Чушка [19, с.51], однако во время написания сочинения Керченский пролив был совершенно подходящим для плавания и, следовательно, его северная часть (напротив косы Чушка) не могла называться проливом Чочка. Тогда под этим именем скрывается какой-то пролив, ведущий из моря в Ахтанизовский лиман. Не исключено, что здесь речь идет или о Субботине ерик, или о проливе, ведущем из западной части Таманского залива в восточную (между заливом и озером, выплеснутым Черным морем, упомянутыми в Книге). В том случае, если коса Чушка в это время была ориентирована на юго-восток, что допускают гидрографы [6, с.85-89; 12, с.195, рис.98], последний вариант трактовки выглядит вполне допустимым. И все же вопрос о положении пролива Чочка «Книги» не может быть решен окончательно (так могли называться протоки из Ахтанизовского лимана в Азовское море) на материале имеющихся источников. Возможно, в турецких архивах таковые сохранились.

Путь локализации крепости Кызыл-таш может быть следующим. Из текста Эвлии [19, с.49, 52] вполне однозначно следует, что крепость находилась на западном берегу Кизилташского лимана. Подтверждают это и европейские карты XVII-XVIII вв. (рис.3, 4). Несколько приближает к крепости сохранившееся до прошлого века название мыса Кизилташ на западном берегу устья лимана Цокур [9, к. 2]. Уже ко времени путешествия П.С.Палласа от крепости почти не осталось видимых следов, однако путешественник весьма четко знал, где она находилась, и отметил: ... от бывшего в

новейшие времена турецкого там укрепления Кизил-таш называвшегося, нет никаких уже примет; а все место, оное где было построено, покрылось болотами и камышом [14, с.233]. На этом участке есть только одно поселение с материалом турецкого времени, которое расположено в затопляемой низине это поселение Веселовка 2 [17, Т.2, с.501-503, рис.169]. Оно находится в 4,2 км к В от границы п.Веселовка (совх. Янтарь), в 0,5 м над уровнем моря, у ЮЗ подошвы г.Макотра. Поселение имеет яркий рельеф застройки. Оно обозначено на карте А.А.Миллера и отнесено к турецко-татарскому времени. Локализация мелких населенных пунктов, упоминающихся в Книге путешествия задача не простая, но вполне реальная.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Устное сообщение начальника Кубанской устьевой станции гидрометслужбы А.А.Иванова.

2 Личное собрание А.Л.Кусакина.

3 Личное собрание А.Булатова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. / Сост., ред., вступл. В.К.Гарданова. Нальчик, 1974.
2. Александров А. Естественно-историческое описание дельты реки Кубани // Труды Азово-Черноморской научной рыбохозяйственной станции. Ростов-на-Дону, 1930. Вып.7.
3. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // СМОМПК.- Тифлис, 1887. Вып.23. О.1.
4. Блажний Е.С. Геоморфология и основные моменты геологической истории низовьев реки Кубани в позднечетвертичное время. Труды Кубанского сельскохозяйственного института. Краснодар, 1954. Вып.1 (29).
5. Богучарсков Т.В., Иванов А.А. Дельта Кубани. Ростов-на-Дону, 1979.
6. Болдырев В.Л. Процессы отмирания аккумулятивных береговых форм на примере Керченского пролива // Труды ИО АН СССР. М., 1958. Т.28.
7. Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, 1929-30. Кн.1 (Т.3). Вып.5-6.
8. Воронов А.А., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка // СА, 1987. №4.
9. Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870 / Древности. Труды Московского археологического общества. Т.2. Вып.3-4.
10. Горлов Ю.В. Палеогеография Азиатского Босфора // Сборник: 20 лет музею М.Ю.Лермонтова в Тамани. Ч.1. Тамань археологическая. Тамань, 1996. С.60- 74.
11. Данилевский Н.Я. Исследования о кубанской дельте // Записки императорского Русского географического общества. Спб., 1869. Т.2.
12. Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958.
13. Королев В.Н. Морские кампании донских казаков 1637-1641 годов // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Обще-

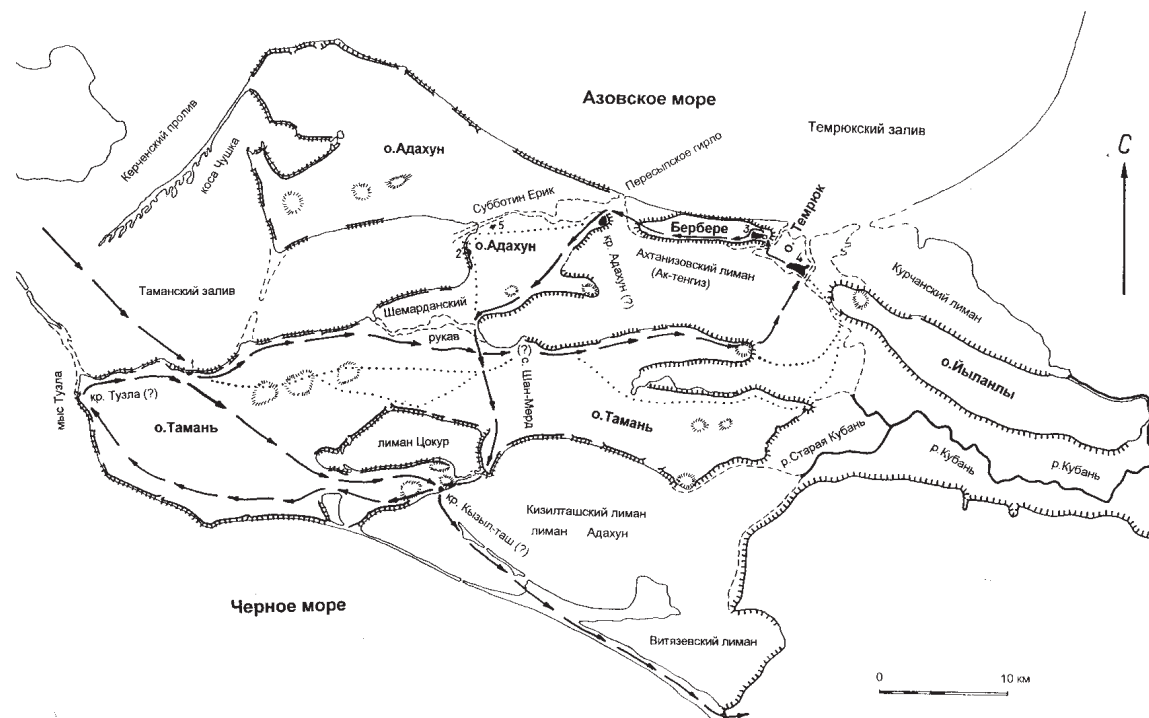

Рис.1. Реконструкция маршрута Эвлии Челеби по Таманскому полуострову. Сплошными стрелками обозначен наиболее вероятный маршрут турецкого путешественника; точечной линией альтернативные варианты маршрута; 1 крепость Тамань; 2 Кепы, альтернативный вариант локализации крепости Адахун; 3 разрушенная крепость на месте ст.Голубицкой; 4 город и крепость Темрюк; 5 поселение Юбилейный 5, альтернативный вариант локализации крепости Адахун.

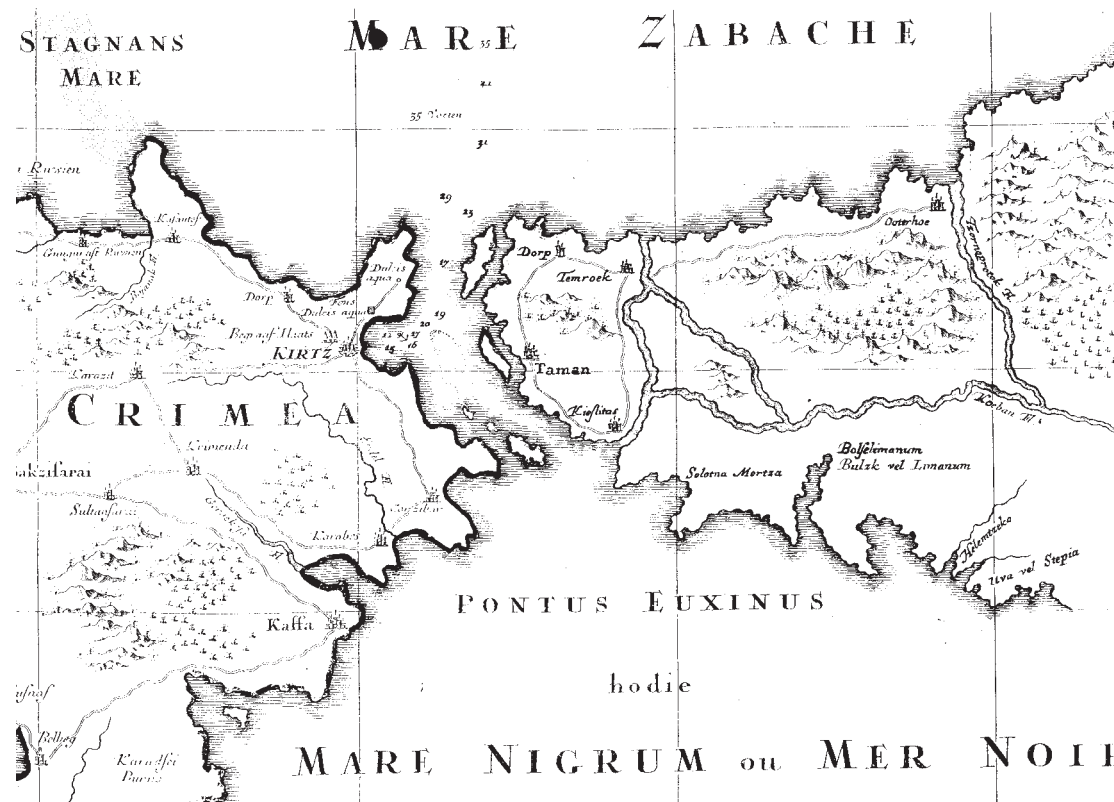
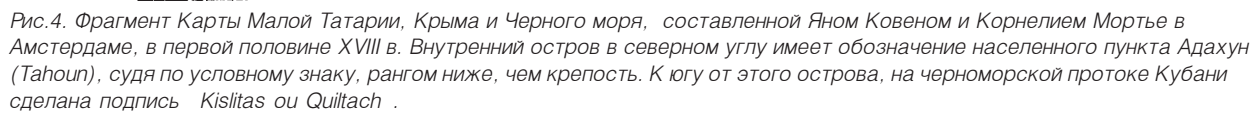

Рис.3. Фрагмент Новой карты Азовского моря, составленной Маттео Зейттером в первой половине XVIII в., где внутренний остров не имеет дополнительных обозначений

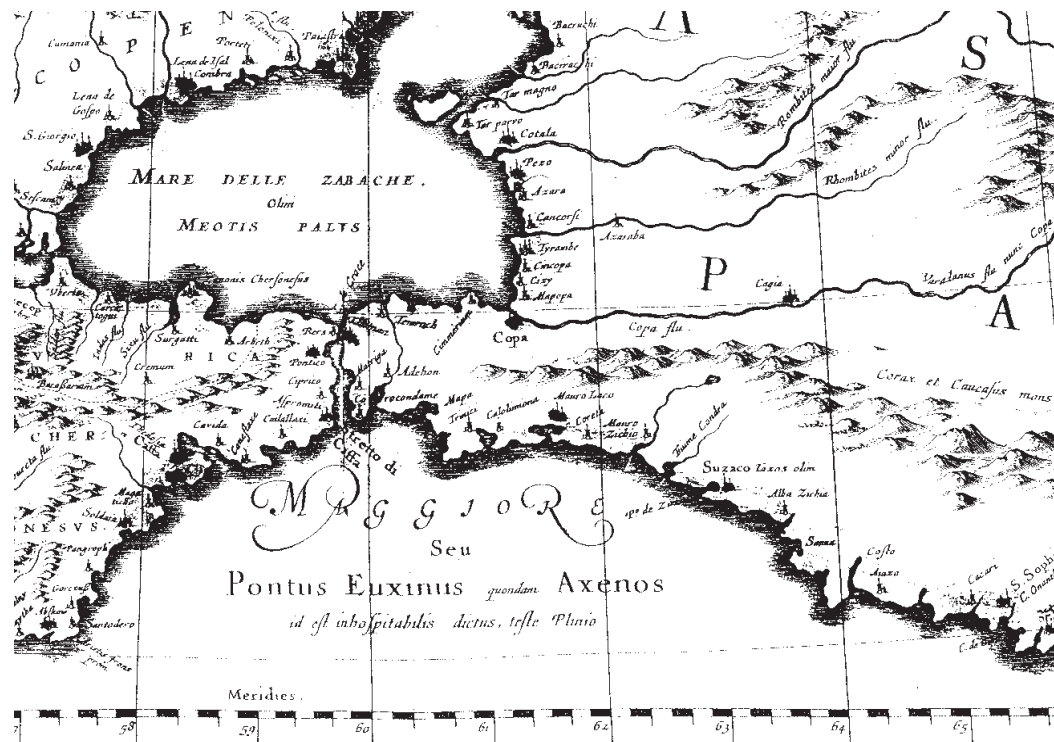

Рис.5. Фрагмент не атрибутированной карты из личного собрания Н.Булатова. Судя по номенклатуре, в основном заимствованной с портоланов XIII-XV вв., и очертаниям русел рек, близко совпадающим с изображением на картах Исаака Маассы, карта относится приблизительно к середине XVII в. Крепость Адахун (Adehon) обозначена в южной части Таманского полуострова, но к северу от лимана, соответствующего черноморскому устью Кубани.

Рис. 6. Прорисовка контуров части русской маршрутной карты, составленной около 1685 г. (по [20, fig. 1]).

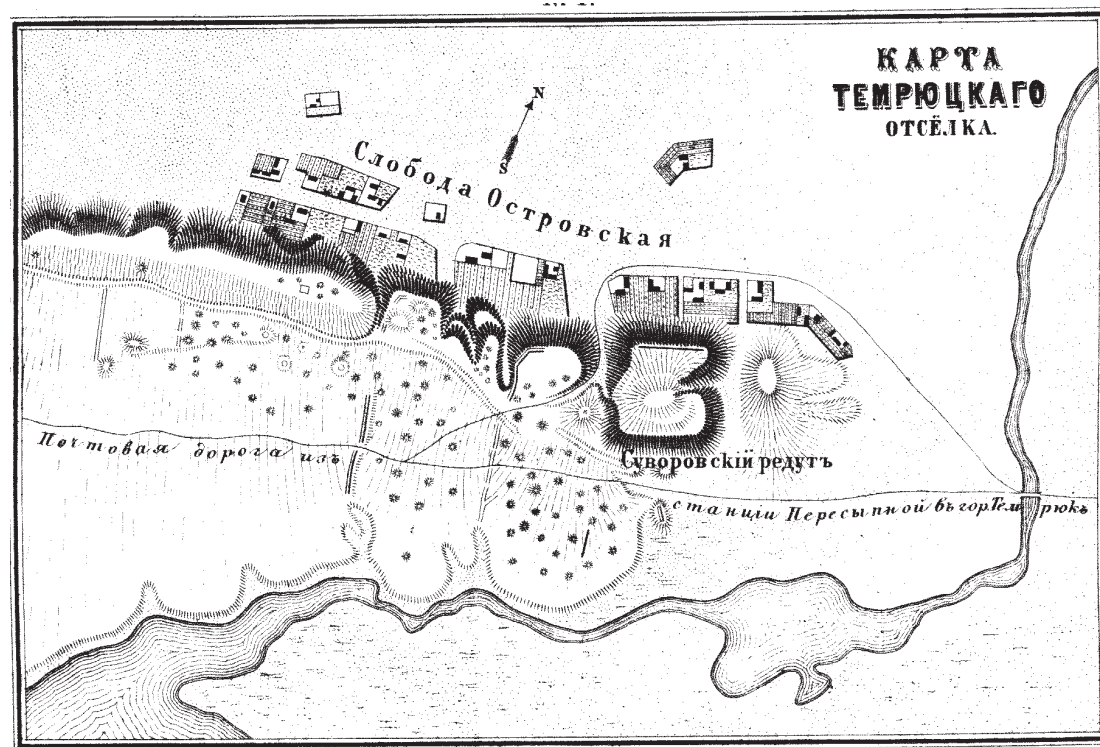

Рис.7. Карта окрестностей современной ст.Голубицкой (Темрюцкого отселка) из монографии К.К.Герца [9, к.4] с обозначением протоки, ведущей из Ахтанизовского лимана в Азовское море (к западу от острова Темрюк).

- ственные науки. Ростов-на-Дону, 1986. №1.
14. Королев В.Н. Адахунское сражение // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1993. №1/2.
 15. [Паллас П.С.] Разные замечания, касающиеся до острова Тамана // ЗООИД, 1877. Т.10. С.233.
 16. Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т.ХІІІ.
 17. Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (Депонирована в ИНИОН РАН, Шифр: Деп. N47103).
 18. Суворов А.В. Документы. М., 1951. Т.2.
 19. Эвлиа Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1979. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Погонья.
 20. Bagrow L. A Russian communications map, ca.1685 // *Imago Mundi. A Review of early cartography*. Stockholm; Leiden, 1952. Vol.IX.
 21. Evliya Efendi. *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the seventeenth century*. L., 1846. Vol.1. P.1.
 22. Ewlija Czelebi. *Kniega podrozy Ewliji Czelebijego (wybor)*. Warszawa, 1969.
 23. Kohlin H. Some remarks on maps of the Crimea and the Sea of Azov // *Imago Mundi. A Review of early cartography*. Huges, 1960. Vol.XV.
 24. Witsen N. *Noord en Oost Tartarye, ofte fongigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest*. Amsterdam, 1692. T.2.

Есипенко Л.М. (г. Краснодар)

ЗА СТРОКОЙ АВТОГРАФА

Книга как предмет материальной и духовной культуры давно заняла достойное место в музейных коллекциях. Книга в музее - это источник познания нового, неизведанного; являясь экспонатом, она подчас полнее и ярче раскрывает экспозиционную тему. В то же время книга в музее выступает как самостоятельный объект исследования.

С рождением книги появилась замечательная традиция оставлять на титульных листах и отдельных страницах автографы. Слово "автограф" означает рукописный текст, написанный самим автором или историческим лицом. Сейчас это и памятные надписи, и авторские пометки, и торопливые подписи известных людей.

Любая незначительная строчка, написанная рукой знаменитого человека на книге, бесценна для потомков. Со временем книги с автографами стали предметом коллекционирования. Во Франции оно появилось в 16 веке и стало модным увлечением, а в Россию пришло во второй половине 18 столетия.

В настоящее время во многих музеях и библиотеках хранятся уникальные коллекции книг с автографами исторических личностей. Интересна в этом отношении и коллекция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, которая фактически сложилась в дореволюционный период и содержит книги с автографами известных на Кубани ученых и общественных деятелей. Изучение этой коллекции позволяет получить новые сведения о судьбе книги, познакомиться с интересами и увлечениями ее владельца, выяснить дополнительные факты о деятельности Кубанского Войскового музея и его научных связях с кубанской интеллигенцией.

Коллекция складывалась в основном благодаря стараниям заведующего

Войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем Ивана Ефимовича Гладкого. За время службы в музее (с 1911 г.) ему удалось восстановить деятельность музея, привлечь внимание общественности к его нуждам и проблемам и тем самым активизировать краеведческую работу в Кубанской области, установить контроль за собиранием "памятников древности" и сведений о них, наладить плодотворные связи с научными обществами и музеями России.

Поступление книг с автографами в музей зачастую и являлось подтверждением благородных инициатив и чистых помыслов музейных служителей.

Коллекция книг с автографами, хранящаяся в музее-заповеднике, невелика, но по-своему уникальна и неповторима. Это огромный мир творческих и человеческих взаимоотношений деятелей науки и культуры Кубани. В коллекцию входят книги с автографами П.Ф. Бурсака, генерал-майора Н.Н. Вишневецкого, атамана Екатеринодарского отдела П.К. Камянского, известного историка П.П. Короленко, активных деятелей ОЛИКО Б.М. Городецкого, В.В. Скидана, К.П. Гаденко, В.В. Шамрая, знаменитого археолога Н.И. Веселовского, краеведа В.В. Соколова.

По содержанию автографы просты и непритязательны, но это не уменьшает их ценности. Они являются иллюстрацией замечательных страниц культурной жизни города и края.

Одна из первых частных библиотек в Екатеринодаре принадлежала семье Бурсаков. После гибели в 1825 г. старшего сына Войскового атамана Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсака, Афанасия Федоровича, все его состояние, в том числе и библиотеку, унаследовал младший сын Павел Федорович. По воспоминаниям И.М. Сбитнева, автора "Записок о Черномории", самое лучшее общество собиралось у Афанасия Федоровича и Павла Федоровича Бурсаков, людей "умных, воспитанных и богатых: они составляют душу общества хорошего тона" ("Воспоминания о Черномории". Публикация В.К. Чумаченко. // "Краснодарские известия". 8 февраля 1992 г.). По решению Кубано-Черноморского ревкома и Областного отдела народного образования в 1920 г. было принято решение передать книги из дома Бурсаков на хранение в Кубанский музей.

В настоящее время в коллекции хранится 6 книг из библиотеки атамана Бурсака с автографом П.Ф. Бурсака, которые свидетельствуют о высоких духовных потребностях и широких интересах владельцев книг.

Интересна история книги, подаренной музею полковником П.Н. Камянским "Из семейной хроники Камянских". В книге живыми красками, ярко и правдиво, представлена жизнь одного из представителей рода Камянских, полковника Камянского, самоотверженно отстаивавшего казачьи устои на Черноморской Раде в 1861 г. в Екатеринодаре.

Готовя книгу к печати, П.Н. Камянский обратился с просьбой в Войсковой музей: "хочу снабдить несколькими рисунками, в числе их два снимка черноморцев в 1861 г., лучшими из виденных мною снимков оказываются те, которые имеются в музее". Готовые снимки стали удачным дополнением и украсили одно из самых любопытных изданий о жизни, семейном укладе и хуторском быте тех лет. В 1913 г. заведующий музеем И.Е. Гладкий получил в подарок книгу "Из семейной хроники Камянских" с посвящением "Кубанскому Войсковому музею. П. Камянский. 1913 г.". В тот же год по инициативе музея полковнику П.Н. Камянскому было отправлено благодарственное

письмо за пожертвование музею ценного издания.

В разные годы войсковой старшина К.П. Гаденко в библиотеку музея передал свои книги: "Кубанский памятник запорожским казакам", "Поездка Кубанской депутации в Ливадию для поднесения Его Величеству Государю императору модели открытого 5 октября 1911 г. в ст. Таманской памятника запорожским казакам", "Описание формы, обмундирования и снаряжения казаков Кубанского и Терского казачьих войск". Этот дар Константина Порфирьевича был отмечен благодарственным письмом, подписанным Наказным атаманом Кубанского казачьего войска М.П. Бабычем.

Ряд подаренных книг проливают свет на тесные связи Кубанского музея с музеями соседних регионов. Доброй памятью их сотрудничеству служат книги, поступившие из Керченского музея от его заведующего В.В. Шкорпила. На составленном им сборнике "К вопросу о времени правления архонта Игиэонта" (СПб, 1911) - дарственная надпись "Глубокоуважаемому Ивану Ефимовичу Гладкому на добрую память от автора".

Напоминанием о дружбе и единстве взглядов на развитие музейного дела на Северном Кавказе служат книги, подаренные Войсковому музею основателем Ставропольского музея Григорием Николаевичем Прозрителевым. "Многоуважаемому Екатеринодарскому музею. Войсковому старшине Гладкому на добрую память от автора": так подписана книга "Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии" (1912 г.).

В 1918 г. Б.М. Городецкий передал Войсковому музею ряд своих работ. На титульном листе брошюры "Библиография Кубанского края" четким почерком известного библиографа выведены слова признательности: "Глубокоуважаемому И.Е. Гладкому благодарность за содействие по составлению настоящего труда. От редактора Б. Городецкого. 1918 г.".

В коллекции музея-заповедника хранятся книги человека, чье имя сейчас незаслуженно забыто. Автор этих книг - житель Тамани, краевед Василий Васильевич Соколов. О его жизни известно очень мало, лишь краткие биографические сведения. Родился В.В. Соколов 2 апреля 1877 г. Окончил Ставропольскую гимназию; военное образование получил в Ставропольском казачьем юнкерском училище. Был приписан к Таманскому полку. В то же время его книги и брошюры знакомят нас с образованным человеком, знатоком истории, обеспокоенным судьбой памятников прошлого Кубани, человеком, стоявшим у истоков основания Таманского музея. Среди этих книг - "Таманское озеро" и "Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской". Собранные Соколовым сведения и сегодня не утратили своей ценности и помогают современным исследователям понять историческое и научное значение археологических памятников Тамани.

В 1915 г. заведующий Войсковым музеем И.Е. Гладкий выступил с предложением об обмене экспонатами с другими музеями России. По его словам, этот почин послужил бы залогом более тесного единения музеев в деле просвещения. Книга В.В. Соколова "Тамань, в прошлом и настоящем" и электрова монета и стали этим связующим звеном в благородном начинании Ивана Ефимовича.

В 1916 г. хорунжий В.В. Соколов заведовал раскопками на Тамани, что дало положительные результаты. Например, удалось воспрепятствовать усилившемуся в первые десятилетия 20 века грабительским раскопкам древних курганов и расхищению бесценных археологических предметов. Благодаря его подробным

отчетам была подготовлена брошюра "Хищнические раскопки близ станицы Таманской Кубанской области в 1916 г. и открытие саркофага в кургане Лысой Горы".

На протяжении ряда лет В.В. Соколов являлся внештатным сотрудником Войскового музея и оказывал существенную помощь в пополнении музейной коллекции новыми предметами. В 1911 г. поступила в библиотеку музея книга К.К. Герца "Археологическая топография Таманского полуострова, 1872г." с дарственной надписью "В дар Кубанскому этнографическому и естественно-историческому музею приносит В.В. Соколов". По словам ее дарителя, эта книга " библиографическая редкость, а также серьезный труд по древним находкам в Тамани и его окрестностях". Тогда же Соколов передал в дар музею и книгу П.К. Буткова "Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг." (СПб, 1869 г.).

В 1912 г. за коллекцию археологических предметов, переданных Войсковому музею, Соколову было вручено благодарственное письмо, подписанное Наказным атаманом Бабычем. В том же году в музее была выставлена его именная витрина с ценными находками.

Значительные археологические открытия на Кубани связаны с именем профессора Н.И. Веселовского. В 1912 г. в юрте ст. Тульской Майкопского отдела под его руководством проводились раскопки кургана, в которых участвовал И.Е. Гладкий. Здесь произошло его первое знакомство с практической археологией. По возвращении в Екатеринодар заведующий музеем И.Е. Гладкий составил содержательный отчет по результатам своей командировки. В последующие годы Иван Ефимович помогал Н.И. Веселовскому решать бытовые вопросы (например, помог в поиске квартиры в Анапе), а также оказывал содействие в организации раскопок в ст. Елизаветинской, сообщал об интересных находках и их перевозке в Петербург, консультировался у "учителя" по научным вопросам. О совместной археологической работе двух единомышленников напоминают книги Н.И. Веселовского с его автографом "В дар Кубанскому музею". Книги эти ("Китайские символы в предметах украшения", "Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе") и поныне хранятся в Краснодарском музее-заповеднике.

В течение четырех лет (1924-1928 гг.) областной научный музей (так после установления Советской власти стал именоваться Войсковой музей) возглавлял преподаватель Краснодарского пединститута Антон Фаддеевич Лещенко. С его приходом регулярно стали собираться материалы о состоянии различных памятников, преимущественно археологических; возобновилась и работа по сбору предметов старины, в том числе краеведческого материала. По инициативе А.Ф. Лещенко музей принимал участие в археологических экспедициях на Тамани (1916-1927 гг.) под руководством А.С. Башкирова. Одним из бесценных свидетельств совместной работы А.Ф. Лещенко и А.С. Башкирова служит книга "Археологическое обследование Таманского полуострова" с автографом автора "Глубокоуважаемому Антону Фаддеевичу Лещенко. С приветом Башкиров. 1926 г."

Среди последних поступлений в коллекцию печатных изданий с автографами Краснодарского музея-заповедника - книга Е.Д. Фелицына и Ф.А. Щербины "Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг.", изданная в Воронеже в 1888 г.

Книга, подаренная музею в 1993 г., украшена автографом генерал-майора Н.Н.

Вишневецкого - известного общественного деятеля Кубани. Надпись на форзаце свидетельствует, что книга хранилась в его библиотеке. Пометки на полях свидетельствуют, с каким вниманием и интересом изучалась книга.

К сожалению, владельцы книги не смогли объяснить, как книга появилась в их доме. Однако известно, что издание книги "Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг." связано с заметным событием в кубанской истории - она была спешно отпечатана в Воронеже по случаю приезда в Екатеринодар в 1888 г. императора Александра III и его семьи. Составители книги - знатоки истории Кубанского казачьего войска Е.Д. Фелицын и Ф.А. Щербина были удостоены одобрения цесаревича Николая и подарков: перстня с бриллиантами и запонки с бриллиантами.

Бесспорно, новое поступление является библиографической редкостью и украсит коллекцию музея.

Таким образом, каждый автограф музейной коллекции - исторический документ, свидетель далекого прошлого. Автографы воскрешают образы людей, чьи имена составляют гордость и славу истории Кубани, и знакомят нас с духовной жизнью наших предков.

КНИГИ И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ С АВТОГРАФАМИ ИЗ СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Е.Д. ФЕЛИЦЫНА

Книги из библиотеки П.Ф. Бурсака:

1. Век Людовика XIV и Людовика XV. Ч. 4. Сочинение Вольтера. Автограф на форзаце черными чернилами. ПИК 441

2. Век Людовика XIV. Автограф на форзаце черными чернилами "П. Бурсак". ПИК 440

3. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Часть 1. СПб, 1823. Автограф на форзаце черными чернилами. ПИК 884

4. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Часть 2. СПб, 1823. Автограф на форзаце черными чернилами. ПИК 885

5. Михайловский-Даниловский. Записки о походе в 1813 г. СПб, 1836. Автограф на форзаце черными чернилами. ПИК 886

6. Михайловский-Даниловский А. Записки 1814 и 1815 годов. 3-е издание. СПб, 1836. На форзаце автограф черными чернилами "П. Бурсак". ПИК 906

Из библиотеки Войскового музея:

7. Сборник Кубано-Черноморского областного архивного управления. Архивное дело I. 1921. На обложке автограф И.Е. Гладкого. ПИК 305

8. Известия Совета обследования и изучения кубанского края. Вып. 3. Екатеринодар, 1918. На стр. 59 - пометки И.Е. Гладкого. ПИК 655

9. Медали и монеты римские и греческие средних веков и нового времени. Изд-во братьев Эггер. Вена. 15. На титульном листе - пометки И.Е. Гладкого. ПИК 1092

10. Войсковая Рада Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1907. Автограф И.Е. Гладкого. ПИК 1226

С дарственными надписями Войсковому, затем областному научному музею:

11. Лещенко А.Ф. Материалы до орнаментики дольменов Пивнично-Западному

Кавказу. "В Кубанский исторический музей от автора. 1931 г.". ПИК 1754

12. Городецкий Б.М. По поводу 50-летия издания "Кубанских областных ведомостей". 1863-1913 гг. На обложке надпись: "Глубокоуважаемому И.Е. Гладкому на добрую память от автора. 25/VII-1914 г.". ПИК 2692

13. Городецкий Б.М. По поводу 50-летия издания "Кубанских областных ведомостей". 1863-1913 гг. Надпись на обложке: "Кубанскому Войсковому этнографическому и естественно-историческому музею от автора. 25/VII-1914г.". ПИК 2691

14. Городецкий Б.М. Периодика кубанско-Черноморского края. 1863-1925 гг. Краснодар, 1927 г. Надпись на титульном листе: "Глубокоуважаемый В.В. Скидан на память от составителя. 27/IV-1927 г. Городецкий". ПИК 2662

15. Фелицын Е.Д. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Отдел IV. Екатеринодар, 1901. Надпись на титульном листе: "Глубокоуважаемому Евгению Васильевичу Броку от В. Шамрая". ПИК 2675

16. Архангелов Н.А. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморском округе из ставропольской газеты "Северный Кавказ" за первое десятилетие 1884-1893 гг. издания. Ставрополь-Кавказский, 1910. Надпись на титульном листе: "В библиотеку Кубанского музея от составителя. 1913 г." Имеются пометки И.Е. Гладкого. ПИК 2705

17. Фелицын Е.Д. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Отдел III. Екатеринодар, 1900. На обложке надпись: "Глубокоуважаемому Евгению Васильевичу Броку от В. Шамрая". ПИК 2681

18. Городецкий Б.М. Библиография Кубанского края. Т. 1. Вып. 1. Екатеринодар, 1918. Надпись на обложке: "Многоуважаемому Федору Васильевичу Андерсону в благодарность за содействие по составлению настоящего труда от редактора Городецкого Б.М. 13/XI-1918 г.". ПИК 2696

19. Фелицын Е.Д. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Отдел V. Екатеринодар, 1902 г. Надпись на обложке: "Глубокоуважаемому Василию Михайловичу Сысоеву от В. Шамрая". ПИК 2708

20. Гизетти А.Л. Сборник сведений о потере в период Кавказско-горской войны. На первом листе: "1934 г. От Виктора Петровича Чикина". ПИК 1294

21. Гаденко К.П. Поездка Кубанской депутации в Ливадию для поднесения его Императорскому Величеству Государю Императору модели открытого 5 октября 1911 г. в ст. Таманской памятника запорожским казакам. Екатеринодар, 1912. Надпись: "Кубанскому Войсковому Этнографическому и естественно-историческому музею. Войсковой старшина Гаденко. 15 апреля 1914г.". ПИК 1297

22. Городецкий Б.М. Библиография Кубанского края. Том 1. Вып. 3. Екатеринодар, 1919. На обложке надпись: "Георгий Зайчевский. 1920 г.". ПИК 2698

23. Фелицын Е.Д. Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии. Отдел III. Екатеринодар, 1900. Надпись на титульном листе: "Глубокоуважаемому Василию Мих. Сысоеву от В.А. Шамрая". ПИК 2680

24. Городецкий Б.М. Библиография Кубанского края. Т. 1. Вып. 1. Екатеринодар, 1918. Надпись на обложке: "Глубокоуважаемому И.Е. Гладкому в благодарность за содействие по составлению настоящего труда от редактора Б. Городецкого. 13/IX-1918 г." ПИК 2695

25. Гаденко К.П. Кубанский памятник запорожским казакам. Ко дню открытия 5-го октября 1911 г. в стан. Таманской сооруженного казаками Кубанского казачьего войска памятника первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 г. Екатеринодар, 1911. На титульном листе чернилами: "Из книг Ф.И. Баранова. Разрешено. И.д. экзекутора" Штамп подъесаул Камянский. ПИК 1331

26. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб, 1869. На титульном листе: "В дар Куб. этн. и естест. истор. музею приносит В. Соколов" ПИК 1291

27. Из семейной хроники Камянских. Екатеринодар, 1913. На титульном листе: "Куб. Войсковому музею. П. Камянский. 1913 г." ПИК 1366

28. Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь, 1912. На обложке: "Многоуважаемому Екатеринодарскому Музею. Войсковому старшине Гладкому на добрую память от автора". ПИК 1342

29. Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь, 1912. На обложке: "В библиотеку Екатеринодарского Областного музея от автора". ПИК 1344

30. Короленко П.П. Записки по истории Северо-Восточного побережья Черного моря. Сочи. Одесса, 1910. На титульном листе: "В библиотеку Кубанского областного Стат. Комитета от автора. Одесса, 1910 г." ПИК 1315

31. Обабо А. Станица Ахтанизовская. 1812-1912. Историко-статистические сведения. Екатеринодар, 1912. На титульном листе: "В дар Куб. Естест. Ист. музею от Ал. Обабо". ПИК 1330

32. Соколов В. Тамань в прошлом и настоящем. Керчь, 1914. На обложке: "Куб. Войсковому музею от автора В. Соколова". ПИК 1382

33. Короленко П.П. Ачуев 1697-1897 гг. Одесса, б/г. На форзаце: "В библиотеку Куб. Обл. Стат. Ком. От автора." ПИК 1311

34. Обабо А. Станица Ахтанизовская. 1812-1912. Историко-статистические сведения. Екатеринодар, 1912. На титульном листе: "Глубокоуважаемому станичнику Антакарову Владимиру Констант. от автора Обабо". ПИК 89

35. Шкорпил В. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта. СПб, 1911. На обложке: "Глубокоуважаемому Ив. Еф. Гладкому - на добрую память от автора". ПИК 1078

36. Веселовский Н.И. Алебастровые и глняные статуэтки до-мекенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. СПб, Надпись: Дар Кубанскому войсковому музею от автора". ПИК 1679

37. Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. На первом листе: "Глубокоуважаемому Антону Фаддеевичу Лещенко. С приветом. А. Башкиров. 1927 г." ПИК 1676

38. Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. На обложке: "В дар Куб. Этн. и Естеств.историч. музею приносит В.Соколов". ПИК

3086

39. Лавров Л.И. Дольмены Северо-западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXXI. Отдельный оттиск. Сухуми, 1960. На обложке: "В библиотеку Краснодарского истор. краевед. музея. Л. Лавров". ПИК 1755

40. Доскифская культура в России. Составители С.Г. и А.С. По источникам, данным преподавателем истории Г.М.М. М., 1912. - "Кубанскому Войсковому Этнографическому Естественнo- историческому музею от автора". ПИК 1705

41. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Изд. Императорского русского археологического общества. СПб, 1896. На титульном листе: "Латышев В.В. - Войсковому музею". ПИК 1834

42. Антонович В. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета Св. Владимира. Вып. П. Монеты Римской республики. Киев, 1900. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1025

43. Холодковский И.М. Титулы и эпитеты на монетах. СПб, 1911. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1079

44. Марков А.К. Древняя нумизматика. Ч. II. СПб, 1903. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1034

45. Нумизматический кабинет. Вып. 1. Каталог монет: 1) Сарматия Европейской, Херсонеса Таврического, Боспора Киммерийского, Понта Пафлогонии. 2) Царей Боспора Киммерийского. Изд. Московского Публичного и Румянцевского музеев. М., 1884. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1052

46. Нумизматический кабинет. Вып. 2. Каталог римских монет. Изд. Московского Публичного и Румянцевского музеев. М., 1885. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1053

47. Марков А.К. Древняя нумизматика. Ч. III. Издано на правах рукописи. Лекции читанные в Санкт-Петербургском Археологическом институте. Спб, 1901. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1033

48. Пахомов Е.М. Монеты Грузии. Ч. 1. Домонгольский период. СПб, 1910. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1088

49. Нагевский Д. Из древне-римской нумизматики. Казань, 1900. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1036

50. Аукционный каталог. Греческие, Римские и Византийские монеты. Собрание доктора Фенерлу. Издание братьев Эгер. Вена, 1912. На обложке рукописный автограф Дикаленко. ПИК 1093

51. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв. Издание текстов, переводы, комментарии; статьи и приложения Л.И. Лаврова. М., 1968. На обложке автограф Лаврова. ПИК 1089

Леусян О.А. (г. Краснодар)

НАГРАДЫ КУБАНСКОГО КРАЯ

К ноябрю 1918 г. Добровольческая Армия, включавшая в себя и кубанские части, вытеснила за пределы Кубани войска Северо-Кавказской Советской республики. Среди противников Советской власти зрела уверенность, что вскоре произойдет полное крушение большевистского режима. С такими настроениями и начала свою работу 28 октября 1918 г. Чрезвычайная Рада Кубанского края, которой предстояло определить дальнейшее развитие Кубани. В принятой 11 ноября декларации Рада заявила, что кубанцы мыслят себя неразрывно связанными с Россией, "единой и свободной", но: "отсутствие государственного единства и общероссийской власти, продолжающаяся в центре России анархия и затянувшаяся борьба с нею, властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах края" (1, л. 6).. Рада приняла ряд основополагающих законов: "кубанскую конституцию" - "Временное положение об управлении Кубанским краем", закон о земельной реформе, положение о Кубанской армии и т.д. Именно тогда и были учреждены государственные награды Кубанского края: орден "Крест Спасения Кубани" и медаль "За освобождение Кубани".

1 ноября 1918 г., в день торжественного открытия Чрезвычайной Рады, было принято решение наградить всех без исключения активных участников "освобождения края от большевизма" (14, с. 20). Для разработки подробного проекта закона о наградах Рада создала специальную комиссию, сразу же приступившую к работе. 29 ноября комиссия представила свой доклад на рассмотрение членов Рады. В докладе говорилось: "Крестом Спасения Кубани эту награду мы назвали потому, что Кубань, действительно, спасена, что Кубань не погибла, когда Россия погибла" (15, с. 818). Крест должен был стать высшей наградой Кубанского края. Особо отмечалось, что он, воплощая идею освобождения Кубани, должен иметь простую форму: " борцы за свободу шли не за внешней красотой, а красотой внутренней, духовной, а эта красота может быть выражена только в простоте" (15, с. 817). Помимо Креста Спасения Кубани, предлагалось учредить медаль "За освобождение Кубани" (и крест, и медаль предлагалось ввести двухстепенные).

В обсуждении доклада члены Рады приняли самое живое участие. Мнения настолько разошлись, что в течение одного дня (29 ноября 1918 г.) Рада утвердила

два противоположных решения: отклонила проект закона о введении наград, а затем его приняла. Первый шаг был сделан под влиянием выступления представителя Лабинского отдела Филимонова Д.А., утверждавшего: "Награда, которая после прекращения братоубийственной войны будет напоминать, что мы убивали друг друга, своих братьев, - такая награда места иметь не должна" (15, с. 823). Все же члены Рады пришли к выводу о необходимости учреждения специальных наград для участников борьбы против Советской власти.

Проект, подготовленный комиссией по наградам, прошел постатейное обсуждение. Наиболее острые дебаты разгорелись по вопросу о том, кто имеет право на награждение новыми наградами. Одни считали, что это участники похода Кубанского краевого правительства, совершенного после оставления Екатеринодара сторонниками Кубанской Рады 28 февраля 1918 г. Другие предлагали награждать Крестом и тех, кто участвовал в знаменитом "Ледяном" походе Добровольческой Армии. Высказывались и другие мнения. В итоге было установлено, что высшая награда края вручается принимавшим участие в событиях 28 февраля-1 апреля, участникам Ледяного похода и лицам, имеющим особые заслуги в деле освобождения Кубани, но только по постановлению Думы Креста Спасения Кубани. Медалью "За освобождение Кубани" должны были награждаться те, кто принял участие в боевых действиях уже после 1 апреля 1918 г., участники партизанской борьбы и т.д.

Чрезвычайная Рада Кубанского края приняла и решение о первых награждениях Крестом Спасения Кубани: Крестом I степени награждались войсковой атаман А.П. Филимонов, председатель краевого правительства Л.Л. Быч, председатель Краевой рады Н.С. Рябовол, генерал А.Г. Шкуро и др. (15, с. 871-883).

7 декабря 1918 г. Рада утвердила постановление об учреждении наград Кубанского края (16, с. 1152). Крест "За спасение Кубани" и медаль "За освобождение Кубани" учреждались "В воздаяние и память героических трудов и лишений, понесенных в борьбе за освобождение Кубанского края от большевизма". П. Пашков приводит описание Креста и медали, содержащееся в постановлении: "Ст. 2. Крест "За Спасение Кубани" устанавливается двухстепенный: 1-й степени - черный железный крест с гербом Кубанского казачьего войска и с надписью "За освобождение Кубани. 1918" на лицевой стороне и с порядковым номером и указанием степени на обратной стороне. Крест носится на соединенной ленте - Георгиевской и Кубанской национальной (узкая синяя полоса - иногородние, двойная широкая малиновая полоса - кубанцы-казаки и узкая зеленая полоса - горцы) Ст. 3. Медаль "За освобождение Кубани" устанавливается также двух степеней. Медаль обыкновенного размера светлой бронзы с гербом Кубанского казачьего войска на лицевой стороне и с надписью "За освобождение Кубани. 1918" и с указанием степени на обороте" (12, с. 24-25).

Окончательная доработка и принятие статута кубанских наград передавались Законодательной Раде. Приказом войскового атамана Кубанского казачьего войска А.П. Филимонова от 24 декабря 1918 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-майора Филиппова (члены комиссии - генерал-майор Хабалов и полковник Селютин) (13). Предписывалось к 10 января 1919 г. представить результаты работы комиссии в Войсковой штаб.

Процесс принятия статута наград Кубанского края в Законодательной Раде затянулся. 20 февраля 1919 г. рассматривается проект медали "за участие в борьбе

с большевиками". В проекте указывалась несколько видоизмененная надпись - "Освобожденная Кубань" (2, л. 20). Вновь вспыхнули споры о хронологических рамках событий, участники которых подлежали награждению. Решено было, что медалью будут награждаться все участники "борьбы за освобождение Кубани за период с 29 ноября 1917 г. по февраль 1919 г."

Осложняло принятие статута то, что не был принят еще новый герб Кубани, изображение которого по решению Чрезвычайной Рады должно было быть помещено на Кресте Спасения Кубани и "причисленной к нему медали".

2 марта 1919 г. Совет кубанского краевого правительства заслушал доклад генерал-майора Хабалова, в котором были изложены основные положения проекта статута Креста спасения Кубани и медали "За освобождение Кубани". Проект был одобрен; члену краевого правительства по делам военным поручалось представить его в Законодательную Раду "с приложением рапорта и объяснительной записки генерала Хабалова" (3, л. 204)

Еще почти два месяца шло обсуждение проекта в Законодательной Раде. К сожалению, сохранившиеся документы дают об этом процессе весьма отрывочные представления.

Только 30 апреля 1919 г. Законодательная Рада Кубанского края приняла статут Креста Спасения Кубани и медали "За освобождение Кубани" (4, л. 144). Но и на этом разработка статута не закончилась: он не был утвержден Войсковым атаманом Кубанского казачьего войска А.П. Филимоновым, поскольку в представленном документе недостаточно были проработаны вопросы о частичной амнистии лиц, совершивших уголовные преступления, но имевших право на получение кубанских наград (5, л. 23).. Статут передали на рассмотрение Ведомства Юстиции Кубанского краевого правительства (6, л. 85), которое дополнительно рассмотрело и проработало вопросы об амнистии, чтобы еще более не затягивать вопрос о введении высших кубанских наград, решено было разработать особый закон об уголовной амнистии.

23 июня 1919 г. статуты обеих кубанских наград были вновь приняты Законодательной Радой (4, л. 90). Вскоре они были утверждены войсковым атаманом. Статут Креста Спасения Кубани определял, что высшая наград Кубанского края никогда не снимается, носится на груди, левее ордена Св. Георгия и правее всех прочих наград; на плаще вне строя носится лента ордена по борту плаща.

Награждение производилось по представлению командиров и решению Думы Креста Спасения Кубани, которая была учреждена приказом войскового атамана А.П. Филимонова 2 июля 1919 г. (7, л. 479). В состав Думы входили: полковник Орлов, полковник Роговец, сотник Филимонов, коллежский советник Белый, вахмистр Воронов. Законодательная Рада приняла решение об открытии кредита в распоряжение Орденской Думы (18, л. 17), утвержден был и штат ее канцелярии, которая приступила к работе только в начале декабря 1919 г. (19, л. 39).

Вскоре Дума Креста Спасения Кубани произвела первые награждения. Пока удалось найти шесть постановлений Думы за период с июля 1919 по февраль 1920 г. (7). По-видимому, Дума работала с большими перерывами - в два-три месяца.

Крестом Спасения Кубани I степени были награждены генералы Деникин, Романовский, Эрдели, кубанцы - Шкуро, Бабиев и др. Посмертно высшей награды Кубани удостоились генералы Корнилов, Алексеев, Марков.

Награждение вновь учрежденными кубанскими наградами (особенно медалью "За освобождение Кубани") было массовым. В списках награжденных иногда - более 50 имен.

Как считают исследователи (Пашков П., Кузнецов А., Дуров В.А.), кубанские награды на Кубани не вручались; награжденные получали только диплом о присвоении награды (12, с. 25; 11; 10, с. 77). Крест Спасения Кубани был изготовлен во Франции в небольшом количестве и вручен награжденным в 1920-е гг. Сейчас обе кубанские награды являются большой редкостью.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 63.
2. ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАКК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 113.
4. ГАКК, Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 203.
5. ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 79.
6. ГАКК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 20.
7. ГАКК, Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 171.
8. ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 90.
9. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 266.
10. Дуров В.А. Верю спасется Россия // "Оружейный двор". 1997. № 2.
11. Кузнецов А.А. Награды. М., 1998.
12. Пашков П. Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 гг. б/г, б/м.
13. Приказы по Кубанскому казачьему войску. 1918 г. № 547.
14. Стенографический отчет пленарных заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой рады созыва 28 октября 1918 г. Ч. 1. Екатеринодар, 1918.
15. Стенографический отчет... Вып. VI. Екатеринодар, 1918.
16. Стенографический отчет ... Вып. VIII. Екатеринодар, 1918.